

АРХИТЕКТУРА С · С · С · Р

ВЫПУСК

4

СБОРНИКИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

1 · 9 · 4 · 3

АРХИТЕКТУРА

С · С · С · Р

СБОРНИК 4

МОСКВА 1943

ЛЕНИНГРАД

(к 240-й ГОДОВЩИНЕ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА)

Д. Аркин

Ленинград — бессмертное произведение русского архитектурного и строительного гения. Самый молодой из столичных городов Европы, он в то же время — один из прекраснейших городов мира, быть может наиболее цельный и художественно единый в своем неповторимом архитектурном облике. Возникший тогда, когда главнейшие европейские столицы уже насчитывали по-много веков своей исторической жизни, Петербург как бы вобрал в себя нарастающую творческую энергию мощного народа и с фантастической быстротой превратился в зрелый и законченный архитектурный организм. Задуманный и заложенный в качестве крепости и торгового порта, этот город призван был многосторонне отразить сокровенные национальные чаяния русского народа в пору великого перелома его исторического бытия. Россия окончательно утвердила себя как европейскую и мировую державу, — как мощного судью не только своей собственной судьбы, но и судеб Европы. Начался «петербургский период» русской истории.

Столица-крепость на берегах Балтики закрепляла двухвековое движение России к морю, столица-порт раскрывала перед страной беспредельность торговых путей в заморские края. «Все флаги в гости будут к нам, — и запируем на просторе!».

Город, зачатый в битвах Великой Северной войны, был овеян при своем рождении триумфом первых побед над сильнейшим внешним врагом. Взятие шведского форта Ниеншандз непосредственно предшествовало основанию нового города-крепости у морских ворот страны. Прошло немногим более десяти лет, и вновь созданная крепость получила «регулярный план», — проект своего дальнейшего развития уже в качестве главного города гигантской державы. Виды мировых столиц — Амстердама, Лондона, Парижа — вставали перед основателем и первым планировщиком Петербурга. «Окно в Европу», прорубленное во «тьме

лесов» северозападной Руси, должно было делаться по-европейски. Но Россия строила свою новую столицу не по образу и подобию голландских, английских или французских городов, — и не космополитическим соединением чужеземных красот создавался архитектурный облик Петербурга. Самый «европеизм» этого города был глубоко органическим явлением русской культуры XVIII в., — строительство новой «европейской» столицы было подлинно национальным делом. Заложенный «на берегу пустынных волн», новый город возник не на пустом месте. Он с чудесной быстротой вырос не как искусственное дерево, взращенное волшебником-садоводом, — он вырос на родной земле, глубоко вспаханной и усердно подготовленной всем предшествующим развитием русской культуры.

Национальный характер ленинградского архитектурного ансамбля раскрывается исследователю, если только этот исследователь откажется от некоторых ходячих представлений о «самобытности» и «влиятельности», если он захочет понять архитектурно-художественный образ города в его подлинном, многостороннем содержании.

Уже при самом рождении Петербурга на островах Невской дельты оживала крепкая и оправдавшая себя в веках традиция русского градостроительства: территория будущего города была выбрана на слиянии двух протоков широчайшей реки, — на «стрелке», образуемой двумя руслами, и на близлежащих берегах. Оборонно-стратегический характер этого выбора ясен. Но самый тип этой стратегической планировки воспроизводит хорошо знакомые образцы старых русских городов-кремлей. Так на слиянии двух рек зародилась Москва и ее кремль, так треугольные «стрелки» или петли, образуемые водными руслами, служили местом возникновения многих городов допетровской Руси — Смоленска и Вязьмы, Волоколамска и Старицы, Дмитрова и Переславля.

Ленинград.
Площадь декабристов

Следуя русской традиции в выборе места, Петр остался верен этой традиции и в способе архитектурного утверждения нового города. Первым крупным сооружением Петербурга была, естественно, крепость, но в архитектуре этого крепостного массива делается внятное ударение на высотной части: колокольня Петропавловского собора вздымается высоко над всей застройкой города. Петр горюпит строителя со скорейшим возведением именно этой части Петропавловской крепости; ее мощной вертикалью должна быть утверждена столичность нового города,— подобно тому, как вертикаль Ивана Великого в свое время знаменовала самоутверждение царственной Москвы.

Однако, Петербург и его архитектура резко порывали с планировкой и внутренним строением старых русских городов: Петербург строился по «регулярному плану», созданию западноевропейской архитектурной мысли, восходящему в своих первоначальных идеях к временам Рима и ренессанса. Начиная с 1714 года последовательно создается целая серия планов Петербурга, завершаемых генеральным планом Леблона. Геометрически правильные прямоугольники кварталов, пересечения улиц под прямым углом, прямоугольные площади, прямые улицы, строгая регламентация застройки отдельных частей города—такова основа леблонского плана, в котором градостроительные идеи французского абсолютизма сочетаются с отзвуком «идеальных городов» ренессанса и с новейшими требованиями фортификационного искусства. Центр города сосредоточивается на Васильевском острове, где располагается ансамбль царского дворца с регулярным парком, партерами, аванкурами и прямоугольными кварталами городской застройки.

Но Петербург не подчинился плану Леблона. Он взял из этого плана лишь его основную идею—идею «регулярности». Он внес в эти европейские образцы

и схемы свои глубокие коррективы. Он перенес свой центр на просторные берега Адмиралтейской стороны, он смело протянул свои основные магистрали, ориентируя их одним концом к реке и морю, другим—вглубь страны, к Москве, к Новгороду. Он внес в геометрическую схему регулярного плана чисто русское чувство безграничного простора и чисто русскую любовь к природе. Он сделал основной, доминирующей частью своего архитектурного ансамбля—самую природу и, прежде всего, мощную водную магистраль Невы.

Широкая гладь Невы составляет не только величественную черту ленинградского пейзажа, но и неотъемлемую часть ленинградского архитектурного ансамбля. Именно широчайшая река определяет архитектурные масштабы площадей и проспектов города. Река не только физически вошла в планировку города своими многочисленными протоками, каналами, островками устья, она определила собой построение центрального архитектурного ансамбля столицы.

Этот ансамбль складывался на протяжении столет,—от первых десятилетий XVIII в., когда город рождался на неских берегах, до начала следующего XIX в. Единство этого ансамбля сложно. Он включает в себя разнообразие архитектурных систем, сменявшихся на протяжении столетия: от строгости трезниневской вертикали Петропавловского собора, через растрельиеский пышный наряд Зимнего дворца,— вплоть до новой классики Адмиралтейства, Казанского собора, Биржи, Главного штаба, Сената и Синода. Выдающиеся образцы каждого из этих больших периодов истории русской архитектуры вошли в петербургский ансамбль, сделали его обязательной частью. Фальконетов памятник Петру—Медный всадник пушкинской «петербургской повести»—внес в этот ансамбль ярчайшую выразительность скульптурного образа, расширенного до пределов историче-

Ленинград в дни блокады. У Исакиевского собора. Рис. арх. М. Шепиловского

ского символа и в то же время наделенного потрясающей реалистической силой. Этот монумент строителю города, полный такой бурной динамики и такого величественного спокойствия, явился важной композиционной точкой в становлении огромного архитектурного ансамбля. В состав этого ансамбля вошла торжественная площадь перед Зимним дворцом, объединившая военный плацпарад и танцевальный зал, и площадь Декабристов, окаймленная двойным корпусом Сената и Синода, и классический параллелепипед Биржи на другом берегу реки, и мощный массив Адмиралтейства, поставленный в самом центре всей этой системы площадей. Каждое из этих архитектурных построений обладает масштабами и значимостью самостоятельного ансамбля. Но в действительности все эти ансамбли — только фрагменты того огромного целого, границы которого определяются не одной какой-нибудь площадью или набережной, а охватывают всю центральную часть города, имея своей композиционной осью — «Невы державное течение».

В самом деле, на старых литографиях можно видеть, как в единое гигантское пространство сливаются вдоль берегов Невы Дворцовая площадь, Адмиралтейский сквер, Сенатская площадь. Это в действительности — одна площадь, площадь такой длины и ширины, какую вряд ли знает и знал когда-либо другой город. Площадь, которая повторяет на берегу образ полноводной реки — «державной Невы». Именно сюда, на эту площадь-реку направлены основные магистрали города, три главные его перспективы, сходящиеся тремя лучами в одной точке. А самой точкой схода этих трех главных улиц города является здание, крепко связывающее разнородные части гигантского

ансамбля и придающее ему логическую цельность: Адмиралтейство.

Оно было одним из первых зданий петровского Петербурга. Через сто лет Адриан Захаров перестроил старое Адмиралтейство и воздвиг мощный архитектурный массив, в котором с замечательным искусством соединил суровую тяжесть гладких стен с радостной легкостью башни и иглы, строгую военную протяженность главного фасада — с непринужденным изяществом боковых павильонов. Захаровское Адмиралтейство — высшая точка в развитии не только русского, но и всего европейского архитектурного классицизма. Архитектор гениально понял здесь задачу городского ансамбля — самую душу своего города. Новатор Захаров следовал при этом по давним путям русского зодчества: он создал здание-массив, здание-комплекс, охватывающее, наподобие старых монастырей, громадное пространство, целый кусок города, и в то же время крепко «держашее» собою целую систему соседних площадей, магистралей, набережных.

С предельной ясностью выражена в захаровском Адмиралтействе изначальная идея Петербурга, — идея власти над морями, морской мощи страны и ее столицы. На адмиралтейскую башню ориентированы основные городские магистрали, ведущие к водной шире Невы, к простору моря. Адмиралтейская башня господствует над этой водной гладью, как символ исторического назначения «северной столицы», основанной в эпоху великого перелома русской истории и открывшей для своей страны окно на запад. Через всю пластику Адмиралтейства, через его богатейшую скульптурную партитуру проходит та же идея: власть над морем, «побежденная стихия» предста-

влены здесь в символических образах морских божеств, nereid, рек, ветров, аллегорических изображений стран света, атрибутов мореходства,— и как «заглавная строка» всего этого многообразия скульптурных символов читается над главной аркой барельеф Ивана Теребенева, воспевающий «Заведение флота в России».

«Строгий, стройный вид» Петербурга определился, конечно, не только архитектурной мощью центрального ансамбля города. Глубокая ансамблевая традиция проходит через все развитие Петербурга в XVIII в. и начале XIX в. Причем один мастер продолжает и развивает то, что начал другой. Идея города доминирует над всеми частными задачами, над идеей отдельного дома или монументального здания. Зодчие классического Петербурга шли впереди своего века; к этому времени всюду на Западе начала ансамбля в застройке городов приходили в упадок. Строители Петербурга сумели наделить ансамблевым единством не только отдельные парадные площади, но и целые улицы и кварталы города. Подобно тому, как центральная «тройная площадь» Ленинграда представляет собою явление единственное в мировой культуре города, так и Невский проспект является единственным в своем роде образцом магистрали,— построенной как единое и законченное архитектурное произведение. Отдельные архитектурные массивы, размещенные в различных концах города—Смольный монастырь и Таврический дворец, Александровская лавра и Академия Художеств, Горный Институт и Инженерный замок—и сколько еще других «островных» монументальных зданий—внутренне связаны, несмотря на свою внешнюю изолированность, с архитектурным организмом города. Архитектурный разум, высокое чувство преемственности, выражаемые в этом одном условном термине—«ансамбль», проходят через всю историю Петербурга-Ленинграда. Трагический и победный год первой Отечественной войны наполняет русскую архитектуру новыми мотивами. Отголоски всенародного триумфа в течение ряда десятилетий находят яркое выражение в архитектуре. Выдающийся русский зодчий России создает великолепные ансамбли, проникнутые этими мотивами. На площади перед Зимним дворцом он воздвигает громадное здание Главного штаба с двойной триумфальной аркой в центре. Триумфальной ста-

новится вся площадь, охваченная мощным полукругом. Смелый контраст сурового «военного» фасада России и нарядного дворца Растрелли создает исключительный художественный эффект. Монолит Александровской колонны возносит высоко над площадью бронзовый символ победы. Этот символ отчетлив и в других монументальных образах великих полководцев, чьи бронзовые изваяния составляют неотъемлемую часть ленинградского архитектурного пейзажа. Всадник, скачущий на дикой скале и попирающий змею,—«мощный властелин судьбы» города и страны; великий полководец в образе латника, поднявшего обнаженный меч,—бронзовый Суворов, изваянный Козловским; Кутузов с фельдмаршальским жезлом на фоне структурной графики Воронихинского портала,—запечатленные в бронзе фигуры великих мужей, двигавших русскую историю и в то же время—высокие символы героизма и бессмертия русского народа.

Героическая традиция Петербурга-Ленинграда нашла глубокое, монументальное истолкование в образах архитектуры и скульптуры. Великий исторический смысл рождения и жизни этого города для судеб России и мира наложил печать гения.—гениальности самого народа—и на самый облик этого города, подлинного чуда нового времени. Оттого-то Петербург, как никакой другой город, послужил темой бесконечных поэтических истолкований и прозрений—от Пушкина и Мицкевича, Гоголя и Достоевского—до Блока и Маяковского. Ленинград нашего времени ввел в галерею своих бронзовых монументов бессмертные образы Ленина и Кирова, ввел новые ансамбли в архитектуру былых окраин. Современная архитектурная школа Ленинграда стремилась по-новому истолковать и продолжить традицию классического Петербурга. В огне, муках и великих подвигах Второй Отечественной войны гордый образ Ленинграда стал над миром, как образ города-героя. И ныне, в двухсотсороковую годовщину жизни этого гениального детища нашего народа, этого города, с которым навеки связаны имена двух гигантов русской истории, на весь мир звучит торжествующая здравица, провозглашенная его величайшим поэтом:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!...

ПРОЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ гор. ИСТРЫ

А. Щусев

Город Истра, сожженный в декабре 1941 г. немецкими захватчиками, должен быть восстановлен вновь, как районный центр и как город курортного отдыха трудящихся Москвы.

Окруженный лесистыми холмами и омываемый извилистой рекой, протекающей в живописной долине, этот город как бы призван быть подмосковной здравницей. С Москвой город Истра соединен железной дорогой и Волоколамским шоссе (расстояние до Москвы 60 км). Холм, на котором раскинулся город, к северу заканчивается выступающим и господствующим над долиной мысом; здесь в середине XVII века был сооружен Ново-Иерусалимский монастырь — уникальный памятник русского зодчества.

При восстановлении города Истры основными факторами его развития являются попрежнему те его природные данные, которые в высшей степени благоприятствуют курортно-дачному и туристическому строительству. Вместе с тем необходимо учесть значение города как районного центра, а также местную и кустарную промышленность (главным образом небольшие предприятия и промартели). В застройке города очень значительное место будут бесспорно занимать пансионаты, турбазы, гостиницы; в самом городе разместится центральная туристическая база района, которая будет обслуживать многочисленные экскурсии. Курортно-дачное строительство распространится не только на ближайшие окрестности города, но и на все живописные места Истринского района. В городе будет сосредоточено управление курортно-дачным хозяйством всего района; что же касается домов отдыха, дачных поселков, санаториев, то это строительство будет вестись не в самом городе, а в его окрестностях. Помимо постоянного населения города в нём будет находиться некоторое количество отдыхающих в курортных отелях и пансионатах, а также на турбазе.

При разработке нового генерального плана города Истры мы

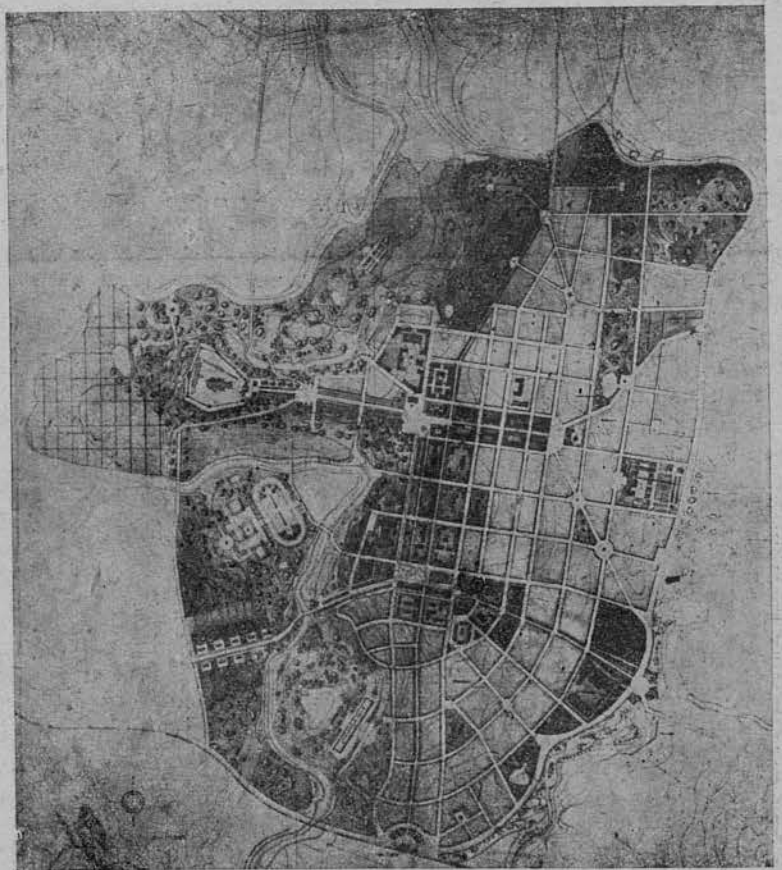
исходили из этих основных предпосылок его развития и из природных условий — его рельефа, живописного пейзажа, крутых берегов его реки. Самой застройкой и архитектурой общественных и жилых зданий мы хотели создать как бы единый организм небольшого подмосковного города, сохранить и выявить в застройке города красоту подмосковной природы.

Вдоль западной вершины городского холма проходит Первомайская улица длиной в 500 м, с широким зеленым бульваром, связывающим главные городские площади. На склоне холма к реке проектируется курортный парк площадью в 100 га с курзалом и местами для игр и отдыха. Парк продолжается до самой реки, переходит на правый берег, превращаясь в спортивную базу со ста-

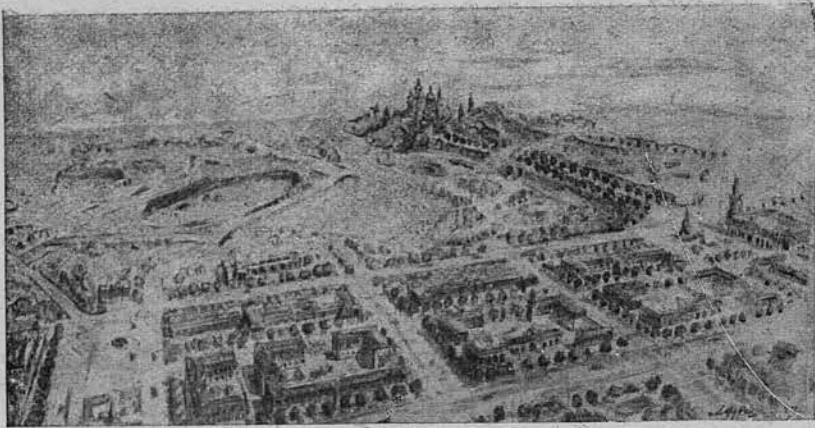
дионом и водной поверхностью площадью в 4 га.

Так как река Истра входит в систему водоснабжения Москвы и ограждена водоохранной зоной, проходящей по Первомайской улице, то застройка города начинается от этой улицы вглубь территории на 1 км, причем территория всего нового города занимает площадь в 300 га.

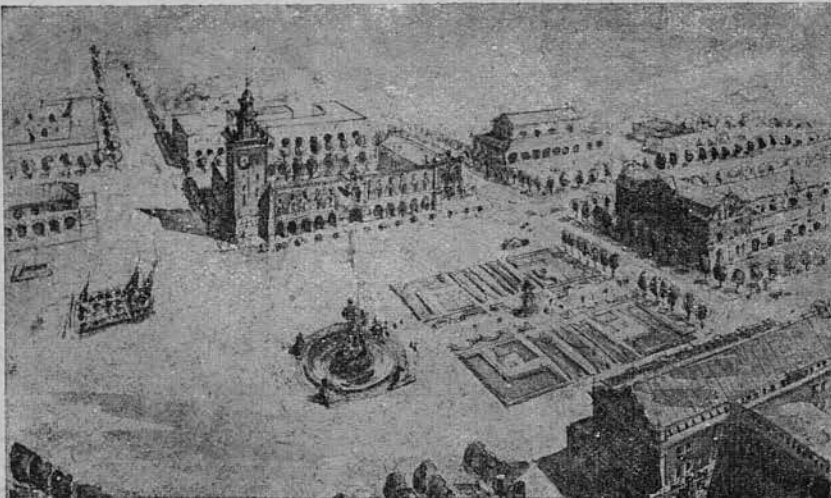
Граница города на юге начинается от железнодорожной платформы и проходит по ходу часовой стрелки вдоль полотна железной дороги на правый берег до середины холма, затем поворачивает параллельно Первомайской улице, переходя на левый берег реки, и проходит вдоль берега до лесистой балки, где в настоящее время располагаются корпуса городской больницы. Поворачивая далее по балке и пересекая шоссе, грани-

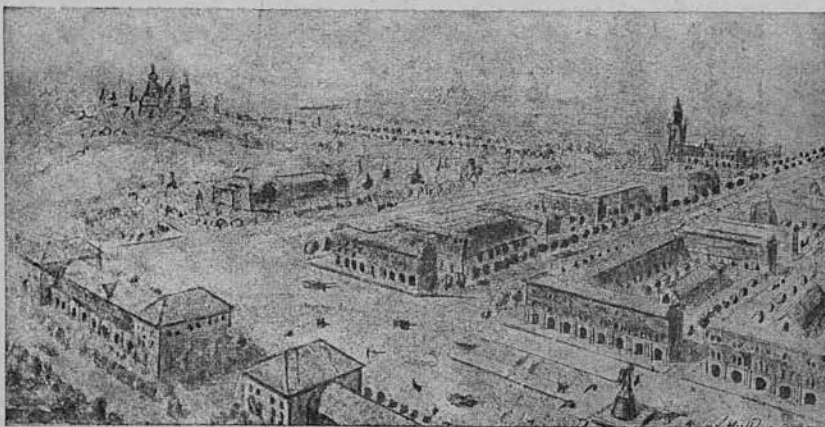
Акад. арх. А. В. Щусев. Эскизный проект восстановления гор. Истры. Генеральный план

Акад. арх. А. В. Щусев. Перспектива гор. Истры

Перспектива административной площади

Перспектива торговой площади

ца подымается на холм и, проходя к югу, доходит до водоохранной зоны реки Песочной и вдоль зоны доходит до исходного пункта, т. е. железнодорожной платформы «Истра».

Через город, кроме Волоколамского, проходят еще два шоссе: на Звенигород и на Химки.

В будущем Волоколамская автострада будет вынесена из города по другую сторону полотна железной дороги.

Временно Волоколамское шоссе проходит по городу по старой трассе, направляясь через реку к западу до станции «Ново-Иерусалимская». Существующее шоссе по Первомайской улице и далее, мимо монастыря, остается как магистраль местного пользования.

План города Воскресенска (ныне Истры) был составлен в XVIII веке. Город был застроен по прямоугольной системе с овальной площадью на пересечении нынешней Первомайской улицы с магистралью, ведущей к монастырю.

Частично были осуществлены подземные сооружения водопровода и канализации. Артезианская скважина на месте овальной площади сохранилась.

После пожара, уничтожившего почти полностью город, от зданий сохранились каменные фундаменты. Старинный план очень хорошо учитывал топографию города, поэтому новый город продолжает принятую систему разбивки улиц, уширяя их бульварами по мере надобности, пересекает прямоугольную сеть кварталов диагоналями по направлению к городским заставам восточной части города и закругляет их в соответствии с рельефом местности. Таким образом, кроме прямоугольных, получается большое количество участков трапециевидной формы.

Город окружен зеленью, которая через существующие роши вклинивается к центру с северо-востока. Главные улицы вдоль тротуаров также обсажены зеленью, зелень имеется и на жилых участках в виде садов и огородов.

На одного жителя (считая общее количество их 15 000 чел.) приходится по 100 м² зелени, не считывая спортивного парка на правом берегу реки.

Долина, примыкающая к монастырю, используется частью под огороды и рыбные пруды, засеваются травами с устройством среди них молочных ферм.

В городе спроектированы три площади: административная (2,5 га), торговая (2,5 га) и центральная (1 га). Все они находятся на пересечениях основных магистралей города.

Кроме площадей, в разных частях города имеется много разнообразных площадок в тупиках и на перекрестках. По основным магистралям проходят бульвары с зелеными насаждениями.

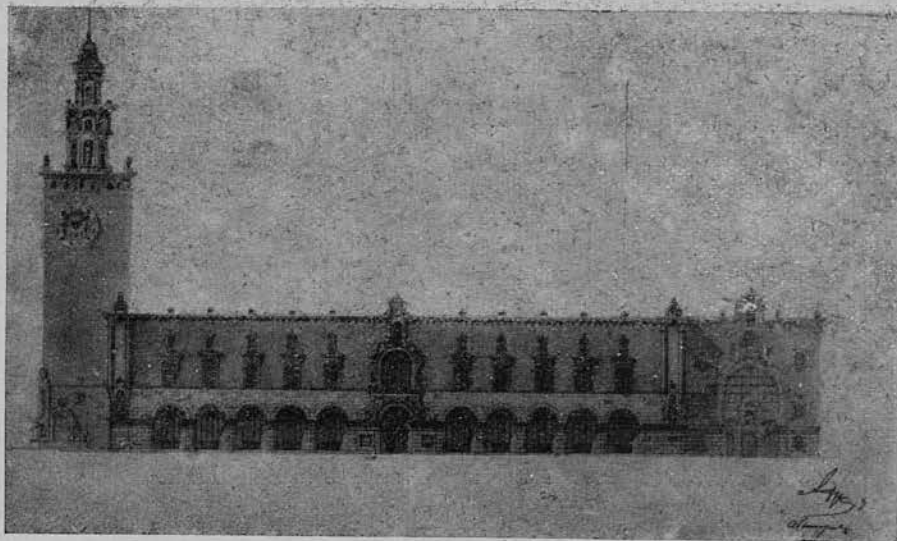
Из главнейших общественных зданий нами запроектированы: дом райисполкома, курзал, торговый центр, гостиница и пансионат для курортного фонда.

Райисполком расположен на административной площади и по своему высотному силуэту корреспондирует группе монастыря-музея. Главный фасад с башней обращен на юг. В здании имеется зал на 300 мест, с отдельным входом; зал может быть использован и для концертных выступлений по вечерам. В башне размещается водонапорный бак.

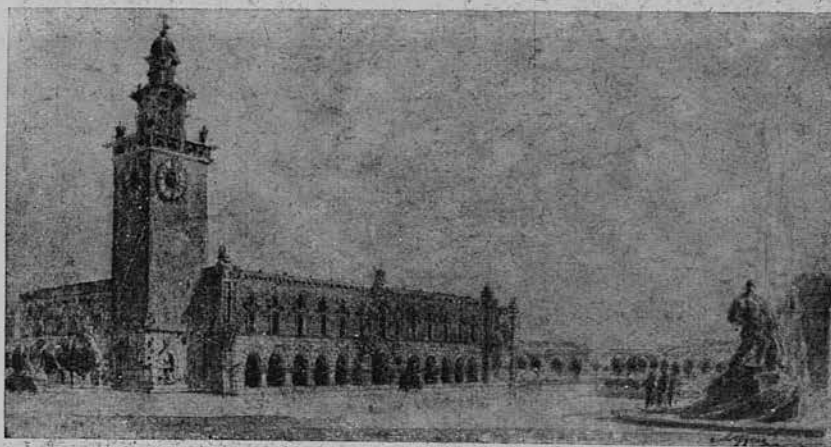
Против здания исполкома, на другой стороне площади, спроектированы партерный сквер и фонтан-памятник по оси Первомайского бульвара. Середина площади свободна и может быть предоставлена для парадов и демонстраций, так как магистрали, подводящие к площади, идут не по середине, а по ее сторонам. С площади открытый вид на монастырь-музей и на главный вход в курортный парк. Рядом с монастырем существует школа имени Чехова, которая своим небольшим объемом подчеркивает масштаб здания исполкома.

Массивная прямоугольная башня сверху заканчивается ажурным восьмигранным объемом, обработанным рельефными деталями. Все здание построено из красного кирпича с белой каменной аркадой и цветными майоликовыми наличниками окон на кирпичном фоне.

Мотивы майолики отвечают богатейшей обработке монастырских стен изразчатými карнизами и наличниками, но с новой орнаментальной тематикой.

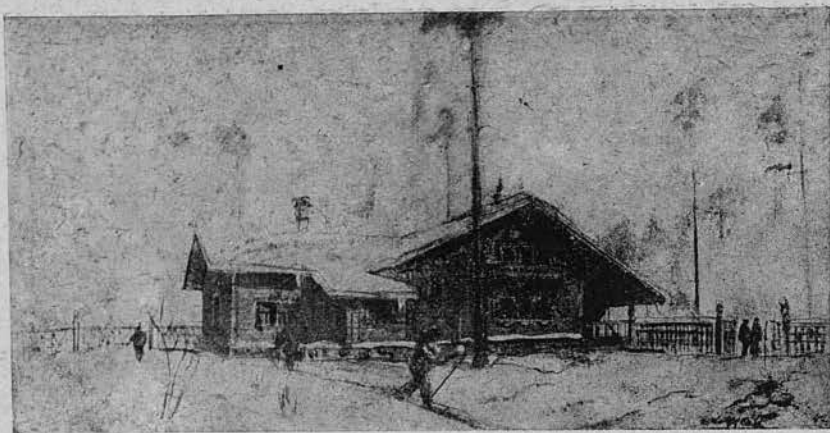
Фасад здания горсовета в гор. Пстры

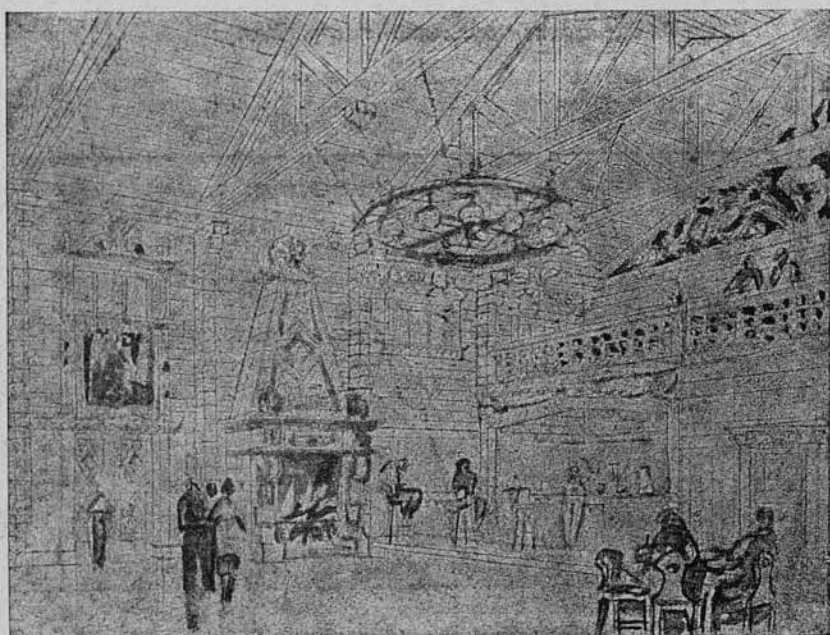
Перспектива здания горсовета

Перспектива здания турбазы в окрестностях гор. Пстры

Акад. арх. А. В. Щусев. Перспектива турбазы в окрестностях гор. Истры

Зал турбазы

Турбаза в окрестностях гор. Истры

Здание райисполкома является ведущим в архитектурном ансамбле Истры. Богатейшее наследие мотивов московской архитектуры дает возможность на такой колоритной и разнообразной основе построить архитектуру нового города, включая двух- и одноэтажные деревянные домики, дачи, турбазы и гостиницы в живописных окрестностях города.

XVII век в московской архитектуре характерен живописно играющим богатством форм и силуэтов на фоне зелени. Это — тип жизнерадостной русской классики, хорошо сочетающийся благодаря небольшим масштабам с требованиями современной архитектуры массового строительства из местных материалов.

Стилевой натяжки и архаизма тут нет. Напротив, имеются все данные для воплощения в архитектуре великих идей и традиций русского зодчества.

Вторым по значению зданием в городе является курзал в парке на месте разрушенного собора начала XIX века. Место очень удачное, с открытым видом на долину реки. Здание запроектировано невысокое, двухэтажное, чтобы не убивать высоты горы и не заслонять курортных зданий по Первомайскому бульвару.

Курзал включает театр на 400 мест, большой ресторан с террасой и подсобными помещениями вестибюля, кухни и административных отделов. Тут же при здании открытый амфитеатр для кино и эстрады.

Вдоль Первомайского бульвара между торговой и административной площадями расположены гостиница на 100 номеров с рестораном и здания двух больших пансионатов главной базы для распределения отдыхающих.

Эти здания образуют курортный фонд и могут быть возведены по инициативе отдельных наркоматов, что облегчит застройку города. Здания планируются открыто, среди парковой зелени, деловые подъезды к ним — с улицы Ленина.

Со стороны станции «Ново-Иерусалимская» эти здания создадут характерный «сказочный» облик городка на хребте горы.

Массы их связаны в единое целое с живописными силуэтами

монастыря-музея. В архитектуре, с отделкой из камня, кирпича и майолики, свободно трактуются те же мотивы московского барокко.

Второй по значению площадью в городе является торговая площадь. Прямоугольная в плане и покатая по рельефу, она замыкается двумя двух- и трехэтажными зданиями торгового центра с магазинами под крытыми аркадами, конторами, почтовыми, банковскими и другими помещениями.

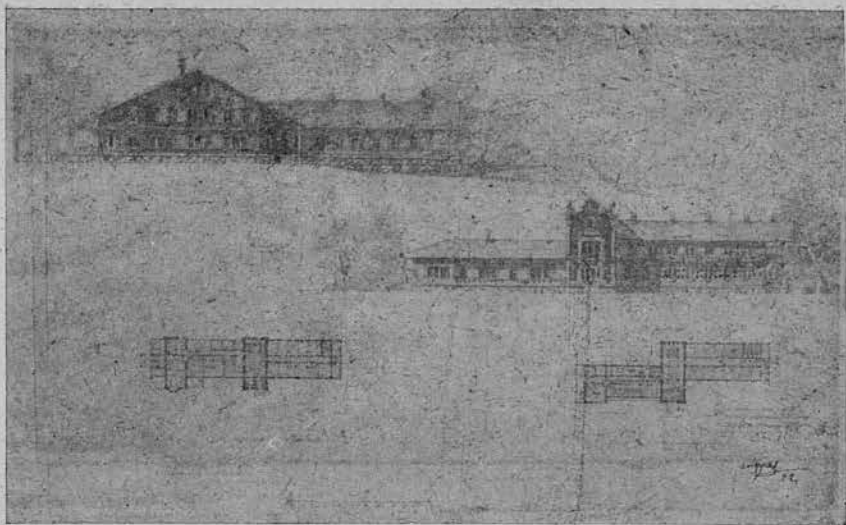
На возвышенной части ее — небольшой сквер с памятниками Отечественной войны. Оформляющие площадь корпуса гостиниц и каменных жилых домов хорошо подчеркивают форму площади, с которой открытый вид на Заречье. Эта площадь — проездная, от нее же начинается Первомайский бульвар. На площади будет большая езда, так как через нее проходит трасса по улице Ленина и далее на шоссе — в Химки.

Третья центральная площадь является въездной площадью и расположена на трассе, ведущей в административный центр и к монастырю-музею. Обе площади соединены широким проспектом с бульваром, вдоль которого высятся каменные дома с магазинами под крытыми аркадами, — это как бы своего рода «сити», ночью хорошо освещенный, с открытыми витринами магазинов. На этой же улице стоят кинотеатр и концертный зал.

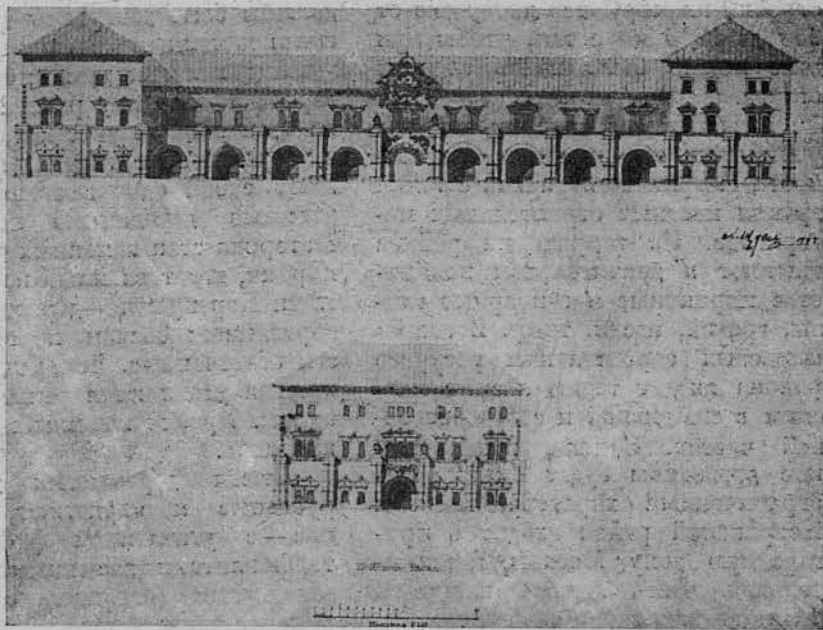
Квартальная застройка города начинается с трехэтажных зданий курортного фонда на Первомайской улице и улице Ленина. Она убывает далее до двух- и одноэтажной жилой застройки по периферии; среди кварталов выделяются крупные каменные массивы техникума, пожарного депо, школы, бани, поликлиники и гаража.

Деревянное жилое и общественное строительство намечено в типовых формах русской избы, но не из сруба, а в облегченных каркасных конструкциях. Резьба и раскраска деталей придают зданию радостный уют. Типы небольших американских и швейцарских домиков родственны зданиям города Истры. Многие дома из экономии будут возводиться на старых фундаментах, уцелевших от пожара.

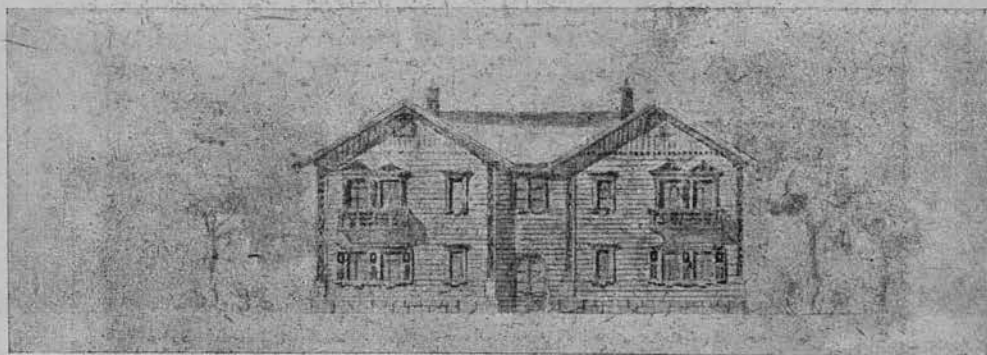
При проектировке жилых домов проводился принцип компакт-

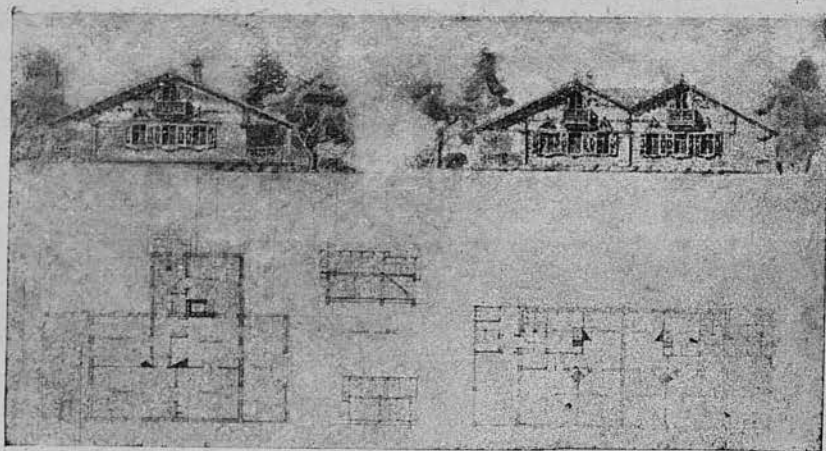
Проект турбазы в окрестностях гор. Истры

Проект помещения торгового центра в гор. Истре

Проект восьмиквартирного дома

Проект одно- и двухквартирного домов на существующих фундаментах

ного рационального плана с одним дымовым стояком. Участки для застройки планируются площадью от 600 до 1200 м² с тем, чтобы при доме можно было иметь садик и огород.

Разрабатывая наш проект, мы учитывали строительные возможности Истринского района с точки зрения местных строительных материалов. На территории района залегают в значительном количестве кирпичные и гончарные глины, гравий, пески, торф. В состав сырьевых строительных ресурсов района входят также лесные массивы в его южной и северо-восточной частях. Однако, использование древесины будет иметь здесь ограниченный характер, так как Истринский район входит в пригородную зону Москвы, и значительная часть лесных площадей имеет водоохранное значение.

Истра — малоэтажный город. Центральные городские кварталы должны быть застроены трехэтажными каменными зданиями, имеющими цокольные этажи; остальные городские здания, расположенные на озелененных участках, а также в окрестностях города, представляют собой одноэтажные и двухэтажные деревянные постройки. Материал стен каменных зданий — кирпич, изготовленный из местных глин. Перекрытия — деревянные, по деревянным балкам, по возможности облегченные. Чердачные перекрытия утепляются рыхлым сфагнумом. Кровля каменных зданий — железная.

Стены деревянных зданий — рубленные и каркасные, последние — с утеплением фибролитом, торфоплитами, засыпными теплоизоляторами (стружки, опилки и т. д.); с успехом могут применять-

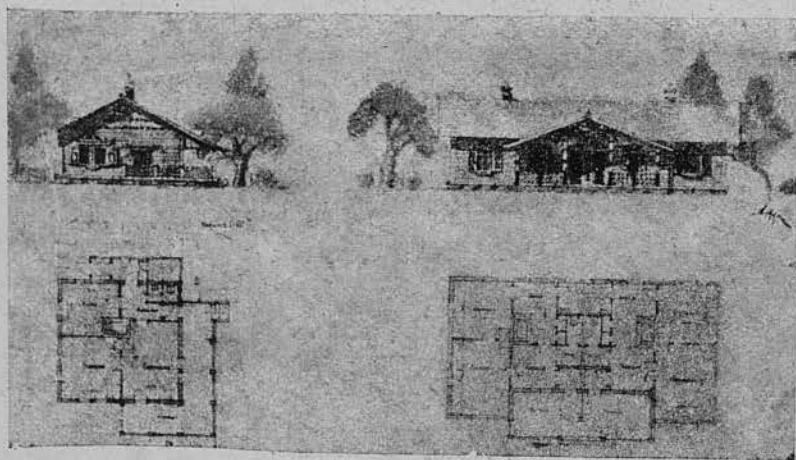
ся фахверковые стены с двуслойным заполнением (наружный заполнитель — стенка в 1/2 кирпича, внутренний — плитный теплоизолятор, защищенный штукатуркой). Кровли — железные, шиферные и драночные. Фундаменты для всех типов деревянных стен — кирпичные столбовые.

Каркасное строительство малоэтажных зданий требует организации — в районе или в области — заводского изготовления стандартных пиломатериалов, плитных утеплителей и др. Это позволит применять сборные щитовые конструкции стен и перекрытий и быстро возводить здания с привлечением труда самих застройщиков.

В принятых типовых планах жилых и общественных зданий заложены возможности соблюдения определенного модуля, кратными которому могут быть размеры окон, простенков, дверей, пролетов, перекрытий и проч., — конечно, не в ущерб общеархитектурному решению. В этом направлении и должна вестись дальнейшая разработка проекта и уточнение конструкций, намеченных пока лишь эскизно.

Каменные дома будут иметь центральное водяное отопление, деревянные будут отапливаться голландскими печами. Для отопления служебных помещений в турбазах и домах отдыха можно будет применять небольшие котельные установки, получающие тепло от кухонных очагов. Почти все здания в городе и окрестностях будут оборудованы ныне существующими водопроводом и канализацией.

Все строительство города производится в пределах линии водоохранной зоны рек Истры и Песочной. Въезды в город с автострад и шоссе имеют высотные ориентиры. Колхозный рынок запроектирован недалеко от торговой площади на старом месте. Размер кварталов — 2—4 га; ширина бульваров — 40 м; ширина главной улицы — 40 м, второстепенных улиц — 30—25—15 м; плотность застройки — 25%. Застройка города рассчитана на 10 лет.

Индивидуальные дома

СТРОИТЕЛЬСТВО ИЗ ВЫСОКОПРОЧНОГО ГИПСА

А. Мордвинов

На востоке нашей страны — в Сибири, на Урале, в Средней Азии — вместе с новыми промышленными гигантами выросли и растут новые крупные поселения. Этот важнейший факт нашей народнохозяйственной жизни ставит перед архитекторами ряд серьезных задач. Строительство военного времени требует не только широкого применения новых технических и архитектурно-строительных методов, но и пересмотра очень многих устоявшихся в нашей практике приемов архитектурно-планировочной работы.

Обычно у нас распространены взгляд на поселение в 30, 50, 100 тысяч жителей как на поселки.

Одно наименование этих крупных поселений «поселками» свидетельствует о неправильном понимании ряда вопросов, связанных с этими поселениями, являющимися по сути дела городами. В Европе и Америке сотысячных городов сравнительно немного и они считаются крупными городами, между тем как у нас, например, Безмянка (Куйбышевской обл.) со 175 тысячами населения или Новая Уфа со сотысячным населением называются поселками.

Дело не столько в названии, сколько в вытекающих отсюда последствиях.

Обычно новый поселок состоит из кварталов, представляющих собою пустыри, застроенные типовыми домами без признаков какого-либо благоустройства. Застройка ведется разреженно, по периметру, а также внутри квартала. Дороги, тротуары, зелень — отсутствуют, а площадь внутри кварталов захлавлена сараями и другими мелкими строениями.

Такая неприглядная картина характерна для очень многих крупных поселений.

Между тем, при тех же, и даже меньших затратах, можно было бы строить культурные, красивые города.

Для этого необходимо, прежде всего, считать поселения в 30, 50, 100 тысяч жителей городами, а не поселками, и, следовательно, вести застройку городского типа. Улицы, площади надо застраивать домами по периметру, сплошь или с небольшими разрывами или с курдонерами, в зависимости от композиции.

Дома следует строить не одинаковые, стандартные, а разнообразные по конфигурации планов, силуэтам, объемам и архитектурным формам. Причем эти разнообразные по архитектуре дома должны составить целостные ансамбли улиц и площадей.

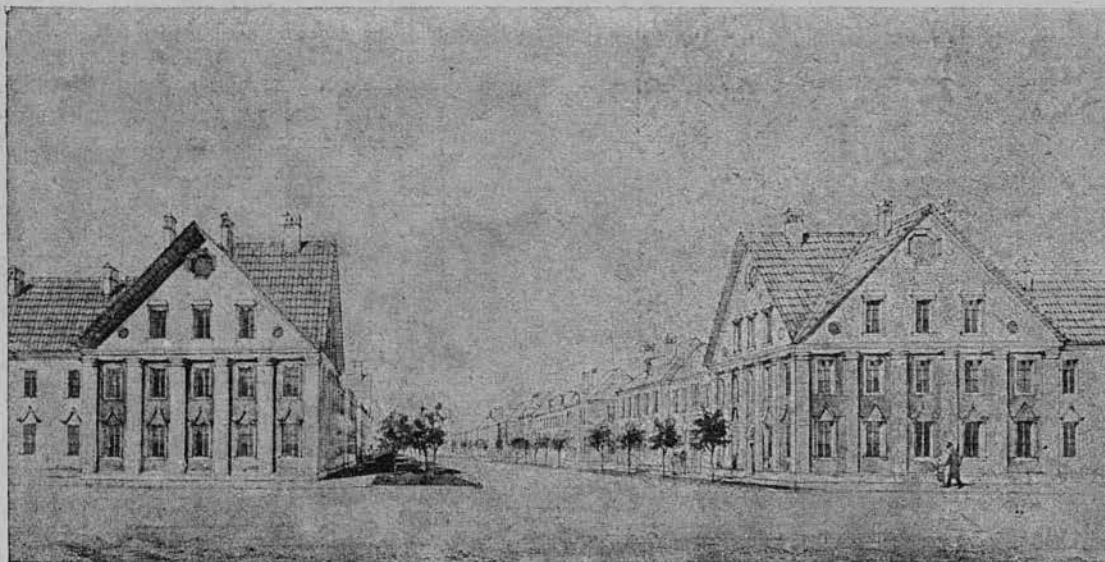
В основу строительства надо положить типовую секцию. Сочетанием типовых секций следует составлять дома, различные по конфигурации плана. Типовая секция обеспечит стандартизацию производимых строительных элементов и деталей. Заводское изготовление типовых строительных элементов, столярки, архитектурных деталей с последующим монтажом на стройплощадке открывает широкие возможности для индустриализации строительства.

Типизация и стандартизация несколько не противоречат созданию домов, разнообразных по своей архитектурной композиции.

Подобная городского типа застройка выгоднее застройки поселковой — квартальной. Здесь получается экономия от сокращения сетей — водопровода, канализации, электро, дорог, тротуаров, уличной зелени, и благодаря полной ликвидации внутриквартальных разводов.

Полученная экономия может быть переключена на благоустройство, озеленение и малые архитектурные формы (ограждения, ворота, фонтаны и пр.).

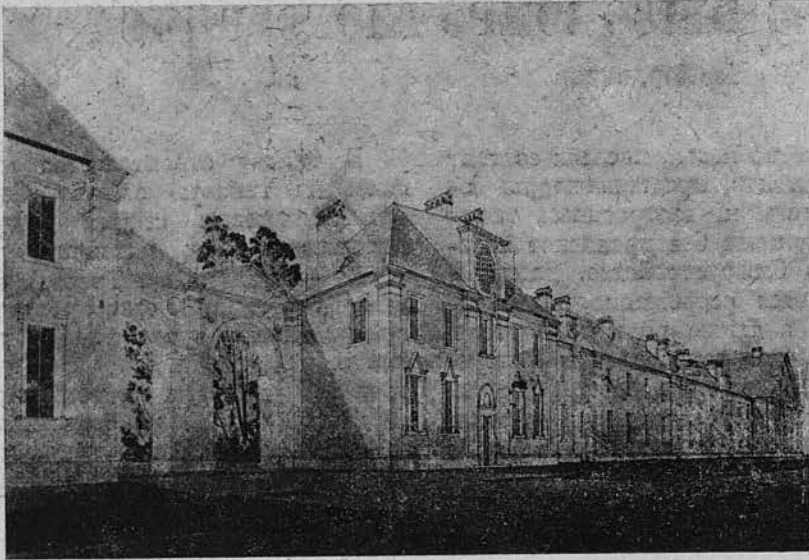
Городская застройка поселков дает возможность создать культурные благоустроенные улицы и площади, архитектурные ансамбли взамен безобразных неблагоустроен-

«Новая Уфа».

Перспектива домов,
оформляющих
начало улицы

Проект специального
бюро Академии архитек-
туры СССР

«Новая Уфа». Перспектива улицы. Один из возможных вариантов

ных пустырей-кварталов с одинаковыми примитивными домами.

Застройку нового города-поселка целесообразнее всего вести точно-скоростными методами.

Как известно, поточно-скоростной метод строительства впервые в практике нашего городского строительства был осуществлен в 1939 году в строительстве жилых домов в Москве на застройке Большой Калужской улицы, а затем на улице Горького и др.

Печать, специальные конференции, съезд советских архитекторов, научно-строительные общества и другие организации отмечали исключительное значение этого метода, обеспечивающего быстроту строительства, организован-

ность, культуру и чистоту стройки, экономичность, малую затрату рабочей силы (особенно квалифицированной), упорядочение работы на подсобных заводах, равномерную загрузку транспорта и постепенное расходование стройматериалов.

Поточно-скоростной метод строительства может быть применен особенно эффективно в строительстве малоэтажных зданий в условиях военного времени, при нехватке квалифицированной рабочей силы.

В текущем году в г. Уфе Наркоматом авиационной промышленности СССР развертывается большое опытно-показательное строительство «Новой Уфы» по проекту

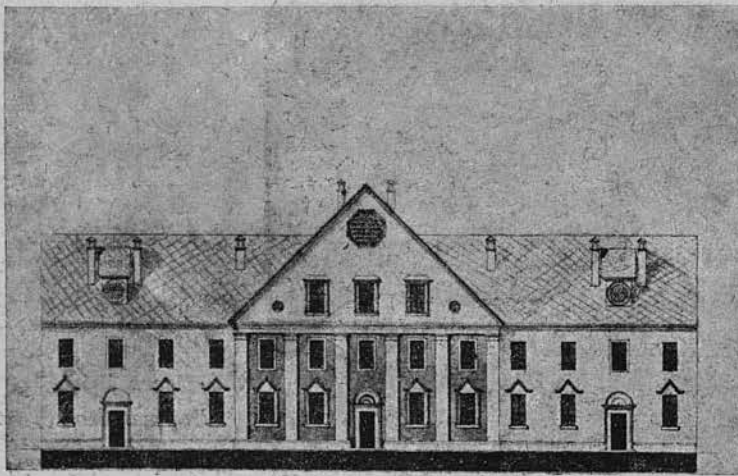
специального бюро Академии архитектуры СССР.

Запроектированы улица с поперечными переулками и озелененная площадь (использована существующая роща). Застройка составит архитектурный ансамбль улицы и площади. Предусмотрено благоустройство кварталов, озеленение улиц и переулков, применение малых архитектурных форм (ограждения, ворота и пр.).

В основу домов положены две секции. Одна состоит из трех двухкомнатных квартир с кухнями, вторая — из трех однокомнатных квартир с кухнями, столовыми и одной двухкомнатной квартирой. Отопление — печное, печи — типа шведок. Дома — двухэтажные, частично с мансардами, от односекционных до семисекционных. Разнообразные по архитектуре дома монтируются из блоков и небольшого количества типов стандартных строительных и архитектурных деталей.

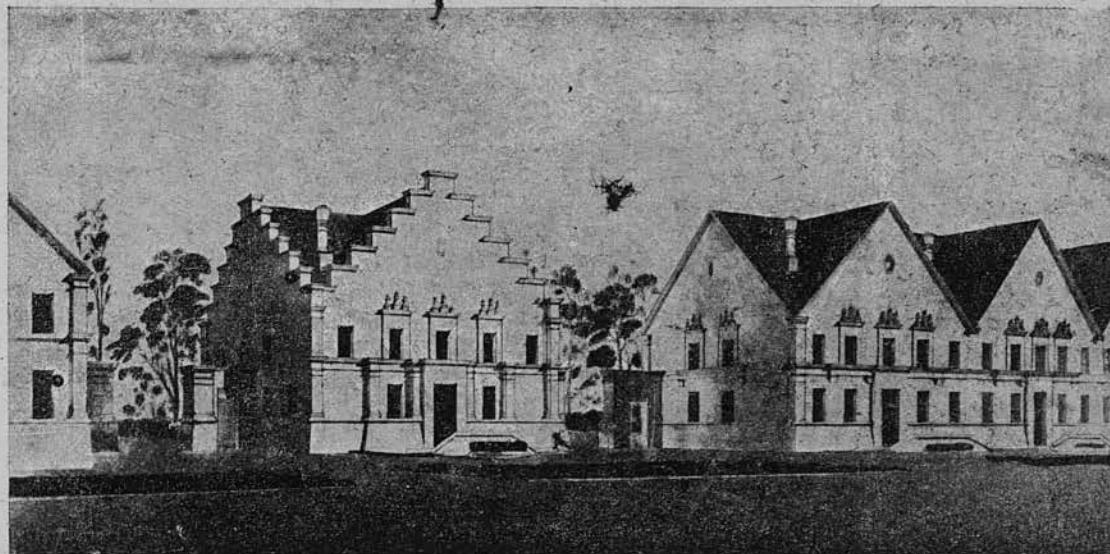
Архитектурно-планировочная часть проекта выполнена авторским коллективом в составе А. Г. Мордвинова, И. П. Соболева, М. П. Парусникова, Б. П. Блохина, Е. Г. Мордвинова. Конструкции — инженерами П. П. Красильниковым, И. М. Тиграновым, В. П. Лагутенко, эскизный проект организации работ поточно-скоростным методом — инж. В. И. Скосыревым, технология гипсового завода и цеха деталей — инж. Ф. Г. Садовским и Б. З. Горским.

Это строительство осуществляется на основе одного из эффективнейших местных строительных материалов — гипса. Гипс дешевле кирпича и цемента как по затратам на заводские устройства, так и по расходу топлива на обжиг. Обладая большой прочностью, легкостью, малой теплопроводностью, удобствами производства и экономичностью, этот материал получил широкое распространение в Америке и незаслуженно малое применение — у нас. Лишь в самые последние годы пробудился интерес к гипсу среди наших технологов-строителей. В прошлом году в Стерлитамаке получен по способу Садовского и Шкляра в демпферах гипс прочностью на сжатие 450 кг/см^2 и 60 кг/см^2 на разрыв.

Фрагмент фасада одного из домов

«Новая Уфа».
Перспектива улицы.
Вариант

В строительстве из гипса в Уфе мы предлагаем вести работу в 2, 3 или 4 конвейера, в зависимости от готовности заводов и наличия рабочей силы. Проектом предусмотрено изготовление на заводах или в специальных цехах стеновых блоков, блоков перекрытий и лестниц, стропил и столярных изделий, архитектурных деталей.

Монтаж на строительной площадке может производиться вручную или с помощью средней механизации. За средний дом принимаем двухэтажный четырехсекционный с жилой площадью в 650 кв. метров. Такой дом может быть выполнен примерно в два месяца. «Шаг» строительства определяется примерно в 6 рабочих дней. Таким образом, с одного конвейера после двухмесячного «разбега» можно будет получать через каждые 6 рабочих дней 1 дом, или в один месяц 4 дома общей жилой площадью в 2500 кв. м. Следова-

тельно, с двух конвейеров можно будет «снять» в 1 месяц 8 домов общей площадью в 5000 кв. м, с трех конвейеров — 12 домов площадью в 7500 кв. м и т. д.

Каждый конвейер потребует наличия одного цеха гипсовых стройдеталей, одного завода по производству гипса и одной тысячи рабочих. Монтаж на строительной площадке может быть начат после месячной работы цеха гипсовых стройдеталей.

Необходимое количество конвейеров можно определить в зависимости от сроков строительства, наличия рабочей силы и заводов. Конвейеры могут быть пущены не одновременно, а по мере готовности соответствующего количества цехов и заводов.

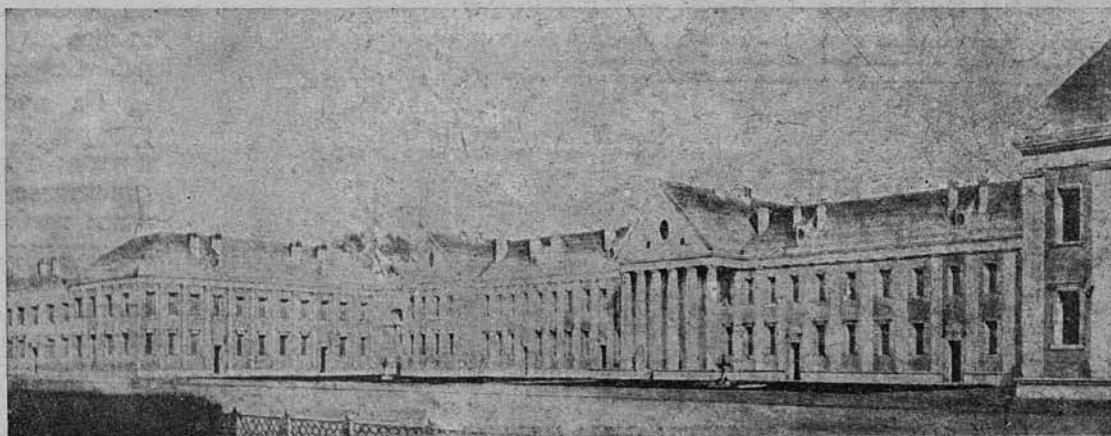
Возведение жилых и общественных зданий из высокопрочного гипса должно сыграть большую роль в нашем строительстве.

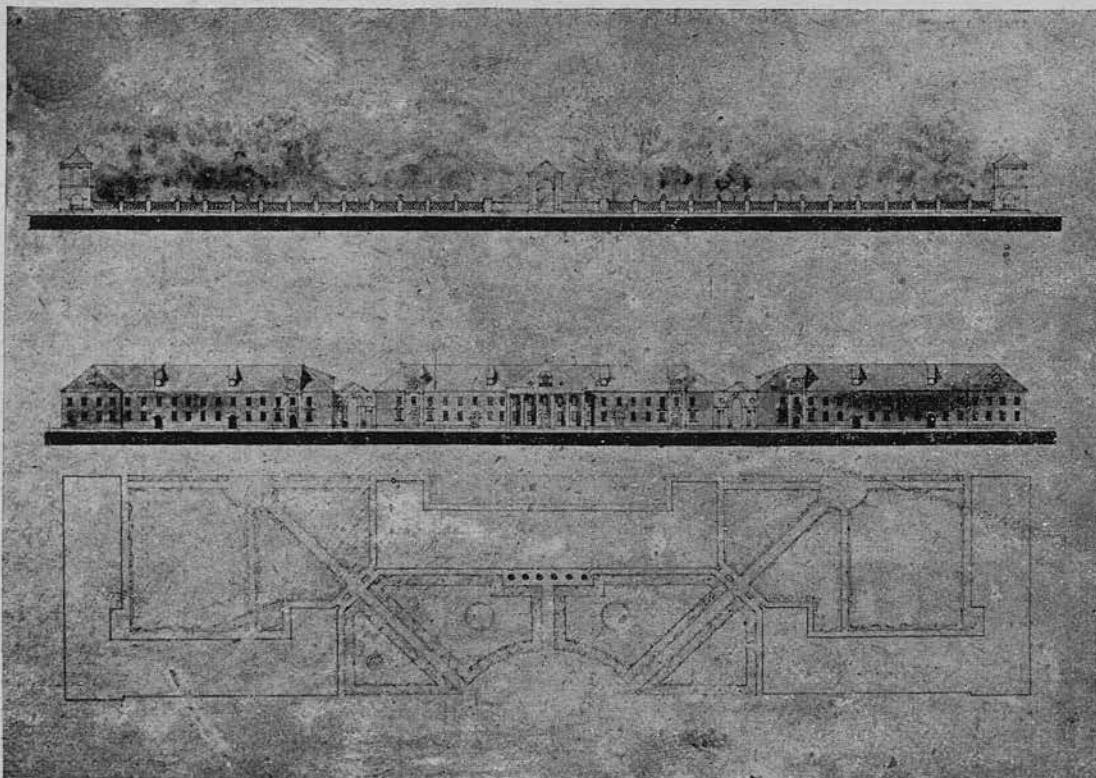
Из высокопрочного гипса можно выполнять стены — вместо кирпичных, деревянных или каменных; перекрытия — вместо деревянных или железобетонных, лестницы — вместо железобетонных или деревянных, перегородки — вместо деревянных оштукатуренных, кровлю — вместо железной.

Возможно выполнение из гипса ряда элементов взамен столярных изделий (слуховые окна, шкафы и проч.).

Гипс — это, прежде всего, не привозной, а местный материал. Залежи гипса чрезвычайно распространены в нашей стране. Артемовское месторождение на Украине (от Киева, Харькова до Артемовска), полумиллиардные запасы гипса под Москвой, гипсы Поволжья (Горький, Казань, Куйбышев), Прикамья (Молотов), Башкирской республики (Уфа), Чкалова, Средней Азии, Дальнего Востока — таковы повсеместно рас-

Перспектива домов,
оформляющих
площадь с зеленым
массивом

Возможное архитектурное решение площади с зеленым массивом

пространенные гипсовые богатства нашей страны.

Отрицательные свойства гипса — хрупкость, влагоемкость, коррозия железной арматуры — могут быть локализованы конструктивными приемами, введением арматуры, добавками извести-кипелки

и применением антикоррозийных средств в арматуре.

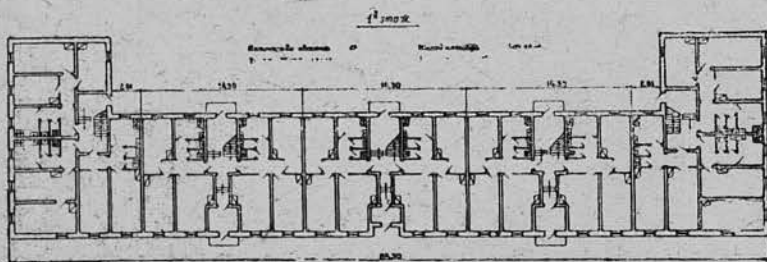
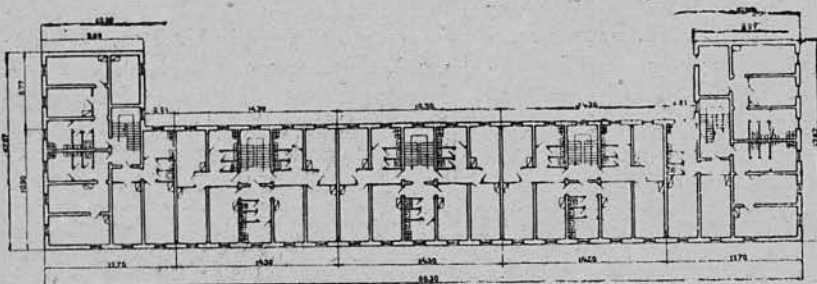
Разрешение проблемы строительства малоэтажных и многоэтажных зданий из высокопрочного гипса представляет важную народнохозяйственную задачу.

В последние годы в ряде мест (Горький, Куйбышев, Свердловск, Уфа, Молотов и др.) гипс применяется в малоэтажном жилищном строительстве. Из простого гипса выполнялись стены, наматы и перегородки. В уфимском строительстве мы ставим задачу выполнить из высокопрочного гипса не только стены и перегородки, но и перекрытия, лестницы и кровлю.

Особенно серьезен вопрос о перекрытиях. Принимая во внимание нецелесообразность употребления железа в малоэтажном строительстве, а, с другой стороны, хрупкость материала, мы остановились на сводчатых перекрытиях, работающих аналогично каменным.

Из пустотелых блоков, образующих свод, выполняются перекрытия и лестницы. Ряд вопросов строительства из высокопрочного гипса требует дополнительных лабораторных и полигонных испытаний. Они включены в план работ специального бюро и Института строительной техники Академии архитектуры.

Строительство из гипса представляет большой архитектурно-

Один из возможных вариантов плана типовых домов

ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЖИЛИЩ ДЛЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Г. Захаров, З. Чернышева

Создание полноценного жилища всегда было и будет одной из основных проблем советской архитектуры. За истекшие годы создано много хороших образцов современного жилья, но допущен также целый ряд ошибок в проектировании и строительстве жилых зданий. Во время нашего пребывания в Узбекистане, в 1942 году, мы имели возможность воочию убедиться в одной из таких ошибок, допущенных в свое время в жилищном строительстве как в городе Ташкенте, так и вблизи лежащих промышленных поселках (Чирчик и др.).

Республики Средней Азии своими бытовыми и климатическими особенностями довольно резко отличаются от большинства других районов Советского Союза. Казалось бы, что при решении такой важной проблемы, как жилье, эти первостепенные факторы должны были бы найти свое отражение в работе архитектора. Но, к сожалению, вся многообразная и довольно значительная по масштабам архитектурно-строительная практика Узбекистана, начиная от общественных сооружений и кончая жилыми домами, изобиловала провинциальными подражаниями «столичным вкусам», а чаще всего ограничивалась воспроизведением образцов, рассчитанных на центральные районы России.

Архитекторы, работавшие для Средней Азии, очень часто не понимали своей основной задачи, не умели вematриваться в окружающую природу, не замечали особенностей богатейшего края, его народного творчества, его национальной культуры, его замечательных строительных традиций. Только этим можно объяснить появление в городе Ташкенте четырех- и пятиэтажных жилых корпусов, с обычной для средней полосы России жилой секцией, с обычным санитарно-техническим оборудованием, где все «местные» особенности сведены к несураз-

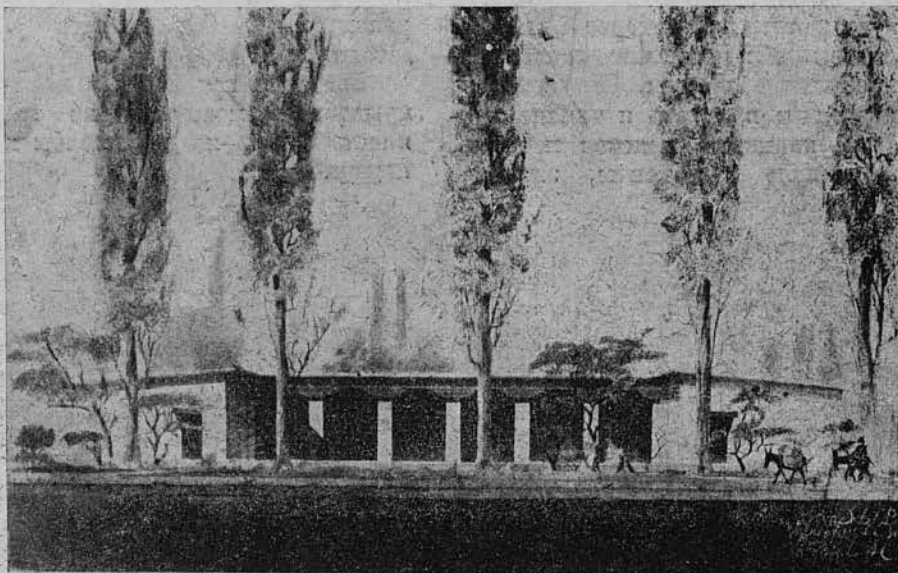
ным, беспомощно нарисованным декоративным деталям, имеющим самое отдаленное сходство с отдельными фрагментами дворцово-храмовой архитектуры Узбекистана. Богатейший опыт строительства народного жилища, глубокую осмысленность построения узбекского жилого дома считали сплошь «устаревшими» и попросту выбрасывали из современного архитектурно-строительного обихода. В Ташкенте дошло до того, что некоторые архитекторы в угоду безобразным четырехэтажным фасадам вырубали замечательные пирамидальные тополи и бесподобные карагачи, так как они... закрывали виды.

Основной причиной подобного неразумного отношения к жизненным требованиям и является, по нашему мнению, тот факт, что мы мало уделяем внимания реальным условиям строительства, природе и—что особенно важно—мало ценим традиции, не стараемся понять народный опыт и сделать из него выводы. В нашем изучении архитектуры прошлого слишком много дилетантства, очень ча-

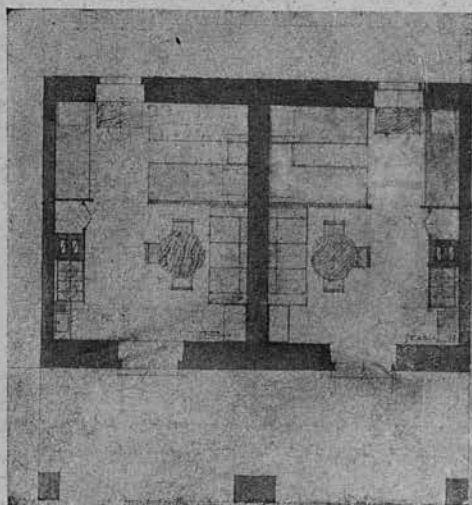
сто все изучение кончается фотографической фиксацией памятника, а его природа, пути его возникновения и совершенствования остаются где-то в стороне, как малозначительная подробность. Поэтому в нашей творческой архитектурной практике последних лет искания новых образов слишком часто кончаются на том или ином фрагменте той или иной эпохи, а зачастую выплывают на свет эклектика, «модерн», безвкусица.

Если посмотреть на старые среднеазиатские города, их узкие кривые улочки, кварталы, дворы, домики, распределение зелени, арыки и т. д. не глазами туриста, а архитектора-строителя, то во всем этом, без особого труда, можно заметить не «восточную экзотику», а большую жизненно решенную проблему построения жизни человека в условиях нестерпимо палящего солнца и раскаленного воздуха, насыщенного мельчайшей лессовой пылью.

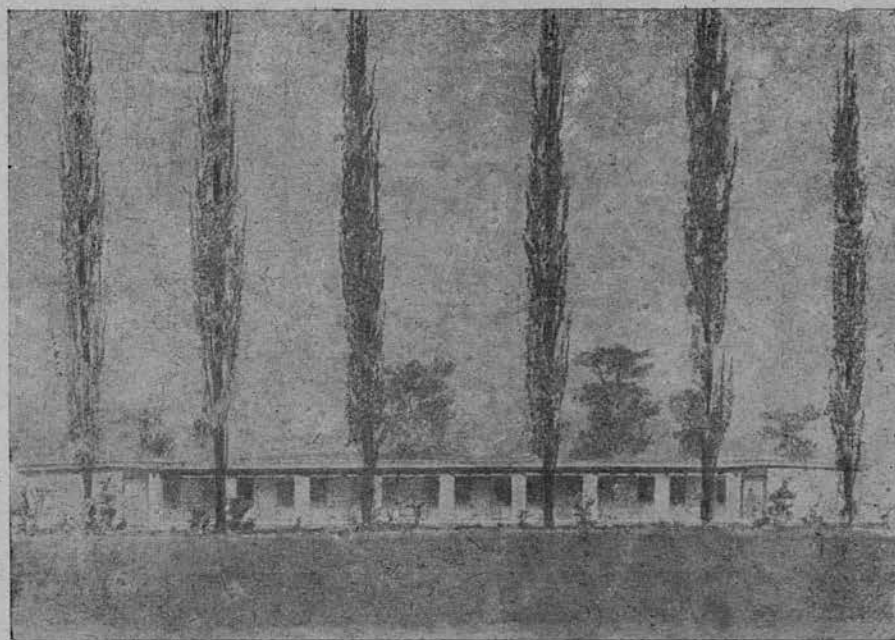
Среднеазиатский город по-своему и весьма интересно решает задачи, предъявляемые строителю окружающей природой. Основные

1. Фасад жилого дома (общезитие)

2. План секции общежития для семейных

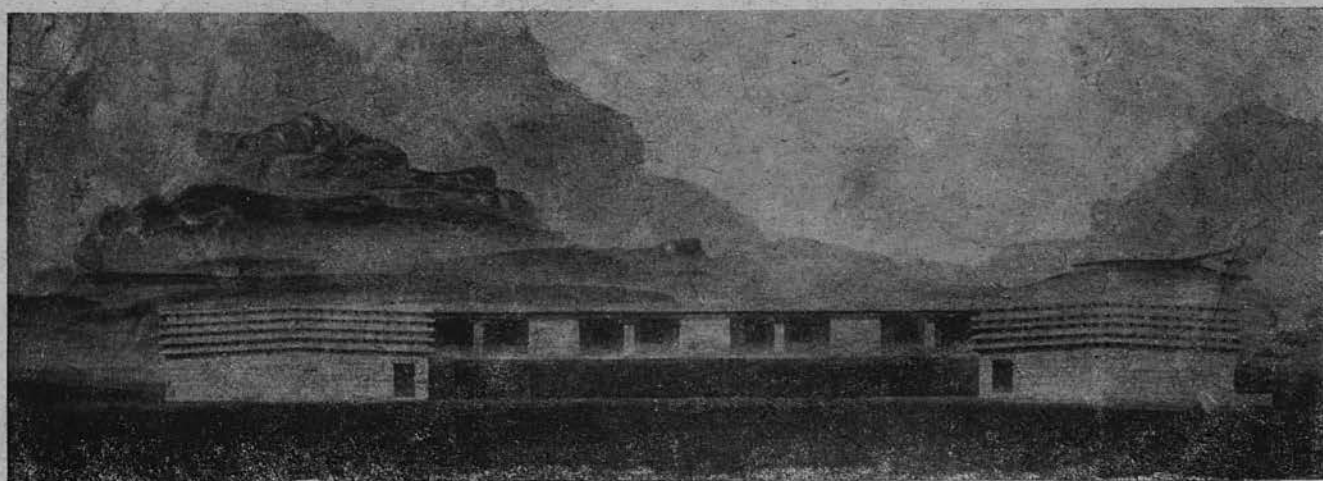
3. Фасад общежития

улицы, площади с примыкающими к ним маленькими, часто кривыми, переулочками и тупиками с довольно высокими заборами-дувалами, дают пешеходам возможность укрыться от горячего южного солнцепека в тени. Богатейшая растительность, которая в жизни страны играет такую значительную роль, как правило, всегда оставалась внутри двора. Улицы, а особенно переулки и тупики, были лишены ее, и это в условиях прежнего бытового уклада также имело свои веские основания. После довольно долгого и утомительного странствования по шум-

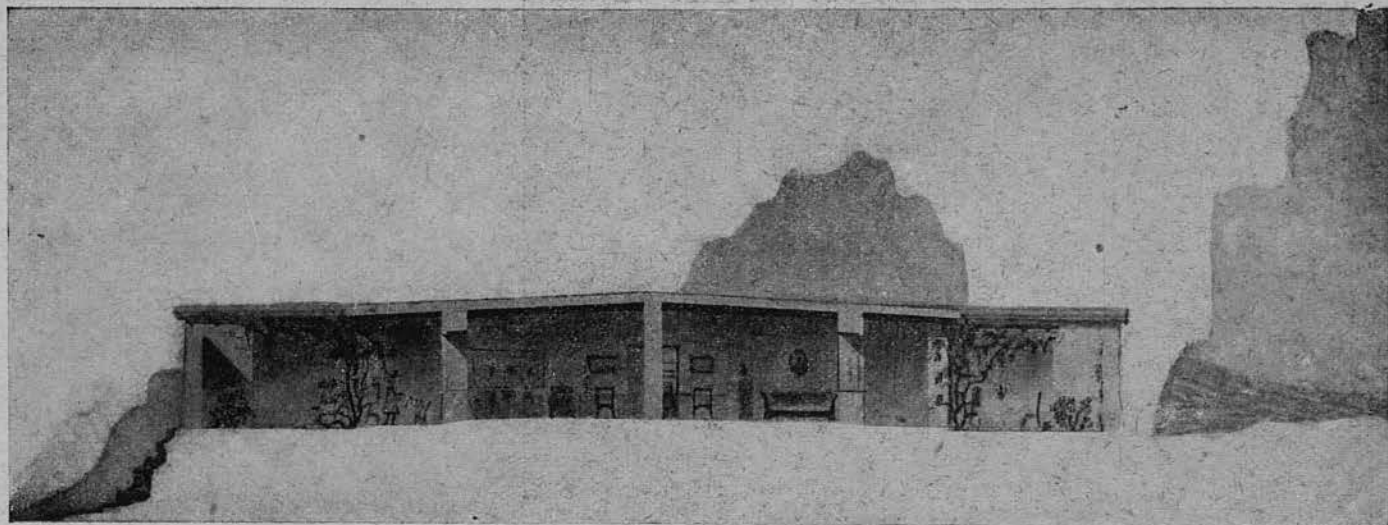
ным, пыльным и душным улицам вы входите во двор, и сразу картина кардинально меняется: город с многоголосной толпой как бы остается за входной дверью, вы попадаете в иной мир. Покой, природа, полная изолированность — вот что встречает человека в интерьере жилья, — и все это тут же, в непосредственной близости от города, центра, деловых зданий и учреждений.

Двор в условиях Средней Азии, да и вообще юга, во все эпохи, начиная с времен эллинизма, а может быть и раньше, всегда был центральным звеном в организме

жилья. Архитектор-строитель, используя все блага богатейшей природы, создавал замечательные образцы жилых домов. Мы не имеем здесь возможности конкретно остановиться на приемах архитектурного решения узбекских домов и двориков, но мы должны подчеркнуть значение двора в узбекском доме, его ведущую роль в построении жилища. Система орошения в среднеазиатских условиях играет одну из главных ролей в народном хозяйстве. Арыки — эта кровеносная система Узбекистана — считались в прошлом священными. Бесчисленные журчащие ручейки

4. Фасад общежития в Турен-Глы

8. Разрез четырехквартирного дома

чтобы справиться с этой трудной проблемой, чего нельзя сказать о современных многоэтажных домах.

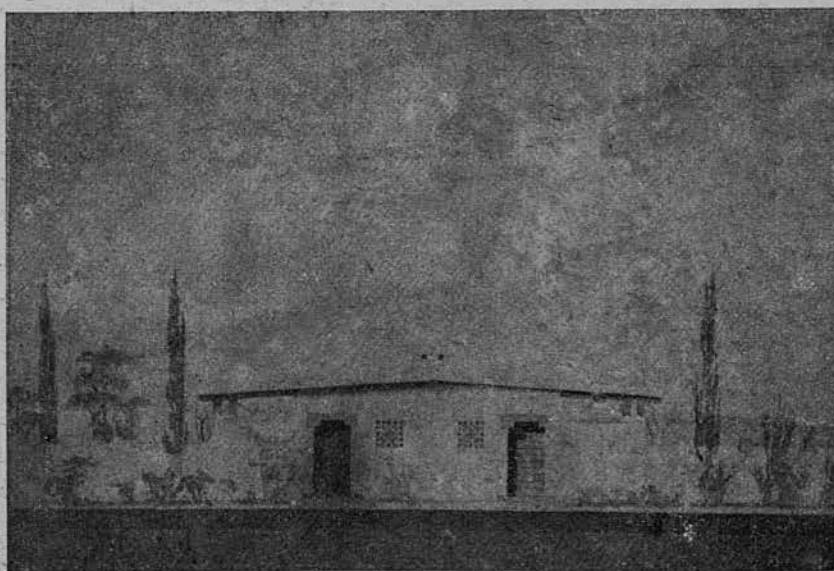
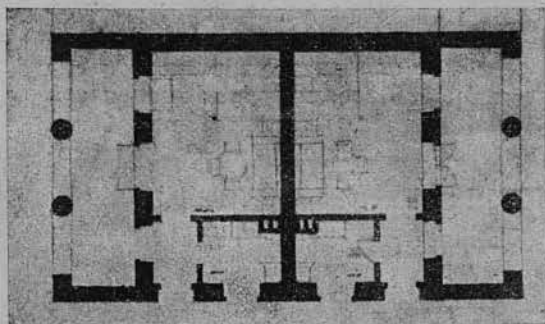
Логичная система перехода от города через улицу, переулок, двор, айван к индивидуальной комнате — интимному уголку, который всегда был и будет нужен человеку, — вот что характеризует узбекское жилье и составляет его главную архитектурную ценность. Построение отдельных архитектурных элементов городского комплекса проведено также с большой последовательностью. Постепенные переходы от одного пространства к другому, смена масштабов, большое чувство такта в декоративной обработке еще более подчеркивают основную идею — постепенного раскрытия и нарастания богатства, проводимую народными зодчими в постройках своей страны.

Анализируя прошлое и внимательно всматриваясь и изучая современный уклад жизни Узбе-

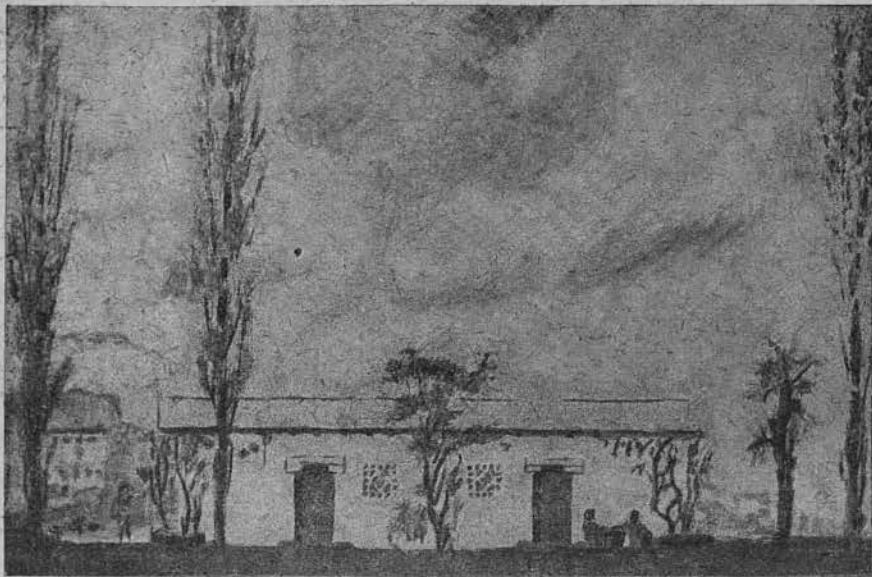
кистана, нужно заявить, что у нас нет никаких причин отменить в сторону эту концепцию построения жилья. Проблема строительных материалов, вопросы санитарно-технического оборудования и обслуживания населения города, вопросы строительных конструкций — все это звенья единой цепи, все эти вопросы нельзя решать в отрыве от реальных условий и возможностей. Особенности Узбекистана в области строительных материалов наложили свой отпечаток на историю его архитектуры. Отсутствие дерева, большие затруднения с топливом для обжига

киршича лишили узбеков в прошлом возможности широкого применения этих основных материалов в гражданском строительстве.

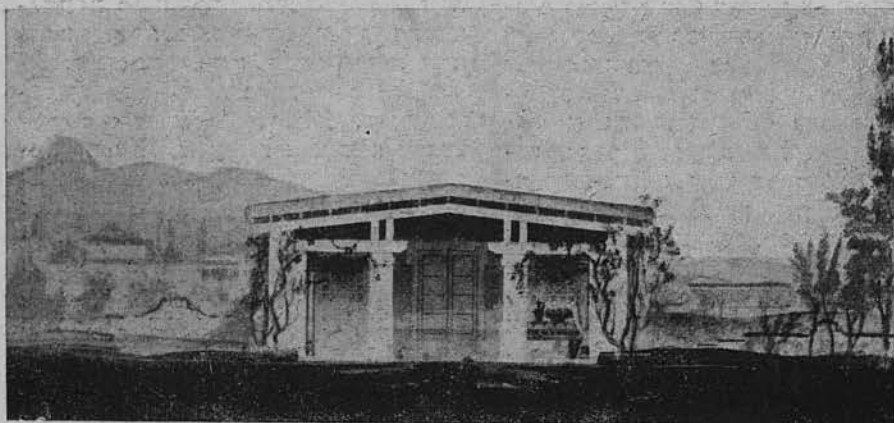
Дерево в прошлом — это драгоценность. Жженый кирпич с успехом заменен сырцом. Жизнь поставила задачу — создать такие конструкции, которые исключали бы зависимость от дефицитных материалов. Задача была с честью разрешена. Арки, своды, купола, решетки, переплеты из ганча и много других конструктивных решений имел в своем распоряжении зодчий Узбекистана. Введение быстро схватывающихся вя-

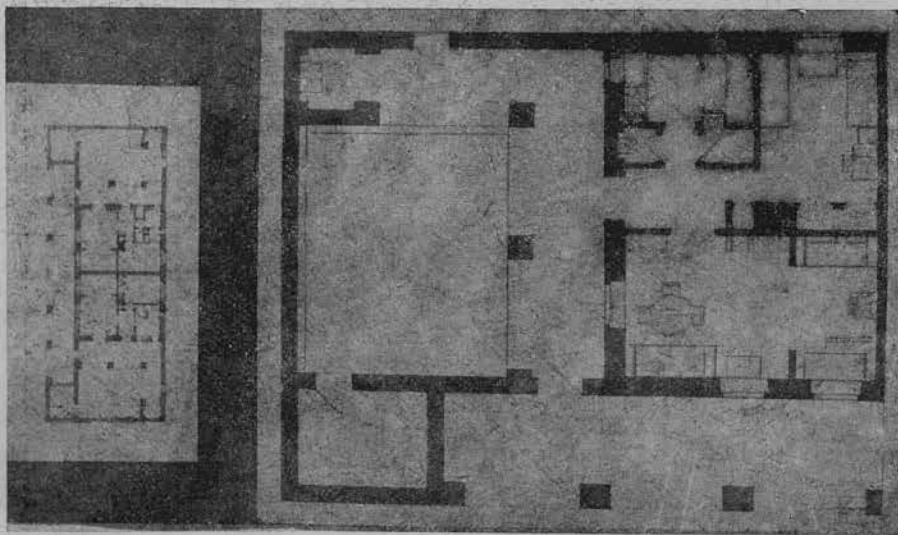
9. План и фасад двухквартирного дома для семейных рабочих (в Ташкенте)

10. Фасад двухквартирного дома

11. Боковой фасад двухквартирного жилого дома
(со стороны сада)

12. План двухквартирного дома и сечения

жуших материалов позволило сооружать арки, своды и даже купола без кружал и специальных лесов. Эта большая строительная проблема, разрешенная классически просто, наложила свой отпечаток на всю историю узбекской архитектуры.

Санитарно-техническое оборудование города и дома строилось на совершенно иных принципах, и здесь были достигнуты большие успехи, пренебрегать которыми нет никаких причин. Тут можно многое сказать и о приемах отопления жилого дома, общественных сооружений, бань и т. д., о канализации, об отводе грязных вод, — но это чисто технические вопросы, которых мы касаемся только мимоходом.

В наше время, время Великой Отечественной войны, когда вопросы транспорта, а следовательно и ввоза дефицитных строительных материалов и топлива стоят как никогда остро, а строить нужно как никогда много, забывать прошлый опыт строительства из местных материалов недопустимо.

Основные местные строительные материалы допускают возможность строить только одноэтажные и максимум двухэтажные жилые дома. Местные конструктивные решения эффективны во всех отношениях при малоэтажном строительстве. Устройство мощной канализационной системы нереально не только в настоящее время, но и на довольно значительный промежуток времени. Следовательно, здесь возможно малоэтажное, рассредоточенное строительство с местной канализационной системой (площадь застройки Ташкента сейчас равна площади застройки Москвы). Условия жизни, климат, архитектурные традиции заставили нас внимательно изучить прошлый опыт построения жилого дома, взять оттуда все принципиально хорошее, все, что дает возможность создания лучших условий быта. Эти положения мы приняли за основу своих, к сожалению, еще не доведенных до конца опытов проектирования жилья для Средней Азии.

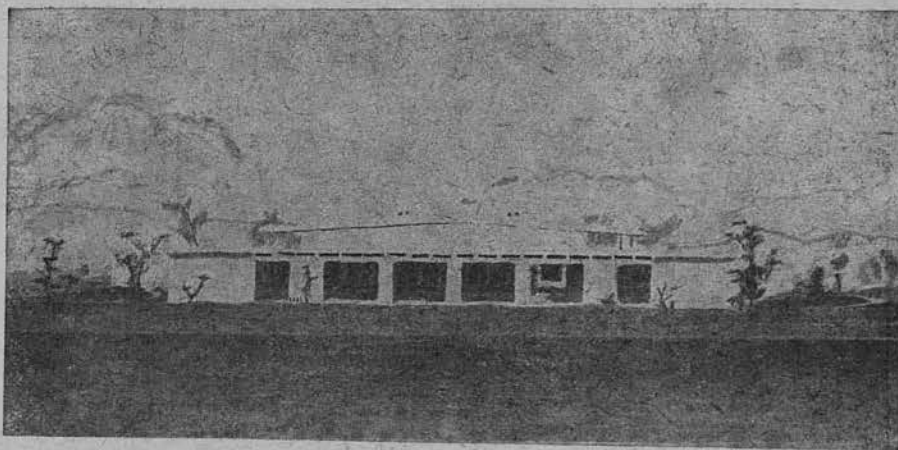
Требования военного времени не позволили полностью воспользоваться богатейшими приемами и традициями узбекского строитель-

ного искусства. Нормы индивидуального потребления жилой площади доведены до минимума, что также внесло свои коррективы в построение квартиры. Но независимо от норм, проблему архитектурного образа мы стремились поставить в полный рост. Мы полагаем, что никакие условия, никакие нормы, никакие жесткие экономические требования не должны влиять на постановку этой первоочередной проблемы в любой национальной архитектуре.

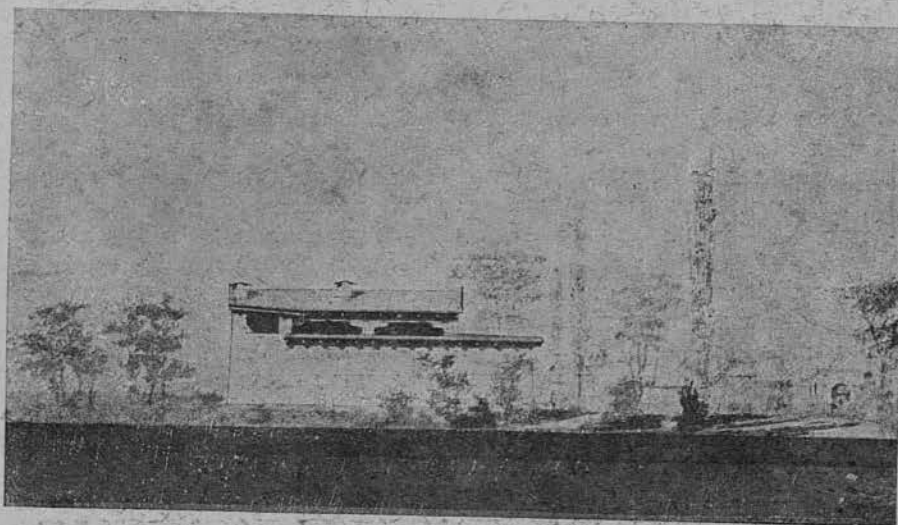
* * *

В одном из проектов общежития рабочих для Ташкента нами была предложена ячейка на четырех человек с двухрусным расположением кроватей. Одной из основных задач, которая ставилась перед нами, было создание такого проекта, где применение дерева было бы сведено до минимума. Наибольшее количество леса, как известно, идет обычно на перекрытия и полы. Проект предусматривает применение гипсовых балок, армированных камышом. Пролеты доведены до 1,95 м в осях. Балочки сечения 12×28 см стандартные могли изготовляться на заводах заранее и, уложенные по пролетам, образовывали монолитное перекрытие; сверху оно утеплялось камышом, затем выравнивалось землей и смазывалось в несколько приемов специально приготовленной глиной. Перегородки — из камышита с обычной штукатуркой. Перед каждой комнатой имеется айван, он изолирован от соседей и дает некоторые удобства. К типу общежитий относятся проекты, изображенные на рис. 1—5. В проекте на рис. 2 дано нормальное расположение кроватей, но также сохранена идея интимной части комнаты — спальни и общей, где стоят стол, диван, плита в нише и все необходимое хозяйство.

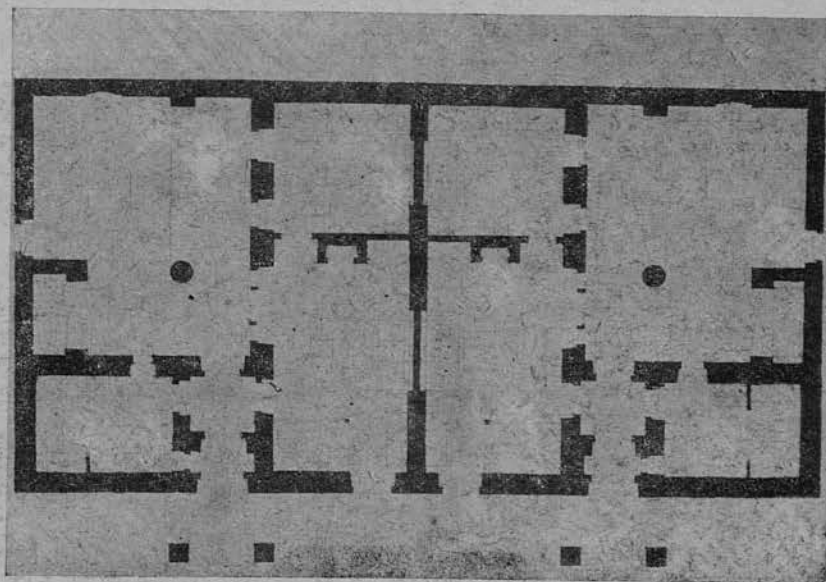
Проекты общежитий для рабочих рудника в высокогорном районе показаны на рис. 4 и 5. Условия климата, резкие колебания температуры, сильные ветры, а также местные строительные материалы существенно видоизменили жилую ячейку, но в принципе решение осталось то же. В силу очень крутых профилей, на кото-

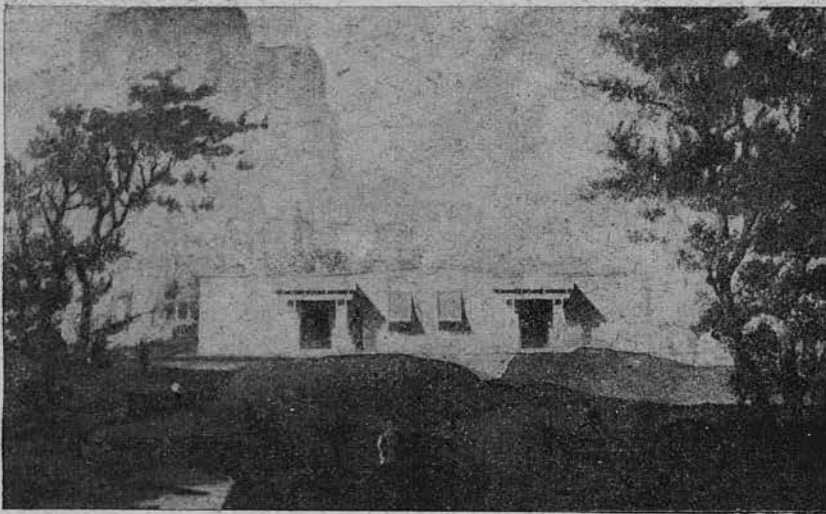
13. Главный фасад двухквартирного дома

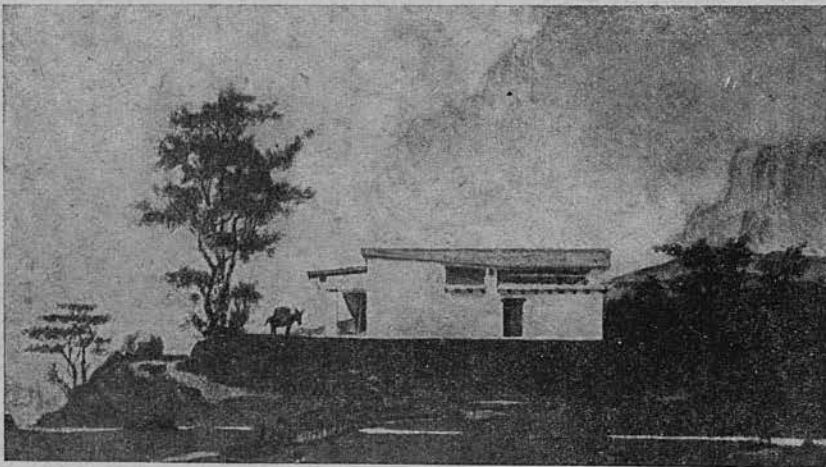
14. Боковой фасад двухквартирного дома

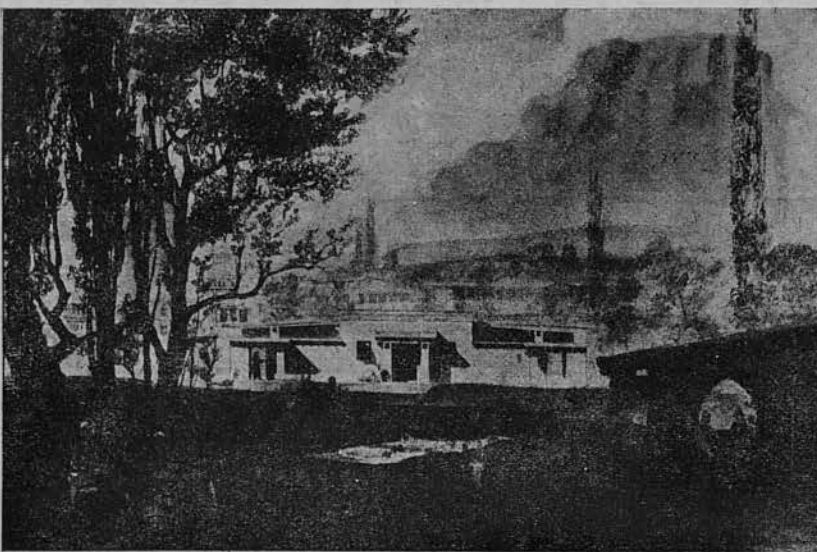
15. План двухквартирного дома

16. Фасад двухквартирного дома

17. Боковой фасад двухквартирного дома

18. Фасад трехквартирного дома

рых предполагалось вести строительство, и невозможности вести работы по выравниванию площадки, пришлось принять ступенчатую систему построения дома, что дало архитектуре возможность слиться с окружающим пейзажем.

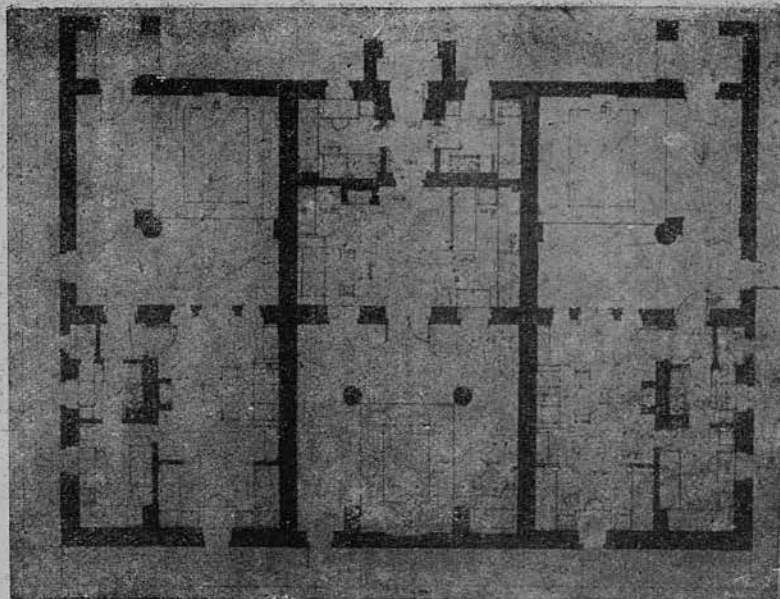
Четырехквартирный дом инженеров и техников этого рудника решен уже как более монументальное строение с улучшенными жилищными условиями. Каждая квартира имеет свой собственный изолированный дворик, который располагается перекрытым галлереей айваном, кладовой и летней кухней. Основным стеновым материалом служит местный известняк, перекрытия — по деревянным балкам, так как иные материалы завести в высокогорный рудник было невозможно. Стеновой материал двориков в силу вышележащего тот же.

Проект двухквартирного домика для рабочих одного из заводов в городе Ташкенте (рис. 9—11) предусматривает создание такого типа жилья, который позволял бы рабочим на отпускаемые государством средства строить индивидуальные дома.

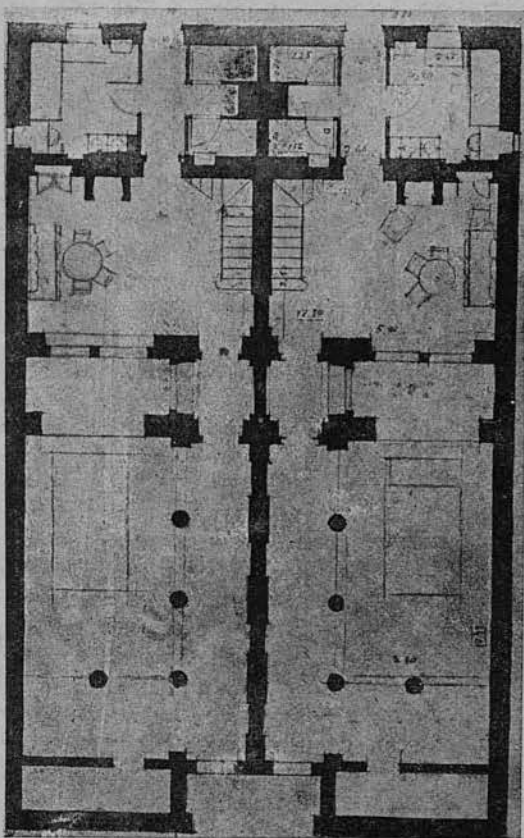
Предложенный нами проект был доведен до стадии рабочих чертежей и принят к строительству для двух больших поселков. По предварительной смете его стоимость была равна 10½ тыс. руб. (на две семьи). Стеновой материал — сырец, переплеты — армированный гипс, перекрытие — монолитное из балочек, материал эстрих-гипс, армированный в растянутой зоне камышом. Балочки имели тавровое сечение, вес каждой не превышал 40—45 кг при 3,60-м пролете. Каждая семья имеет свой участок, на который выходит терраса-айван. Квартира имеет прихожую, кухню и комнату, разделенную легкой ширмой, ковром, драпировкой на спальную часть и для общего пребывания.

Двухквартирный дом для инженеров и техников (рис. 12, 13 и 14) предполагалось строить также в Ташкенте. Проект рассчитан на те же материалы и конструктивные элементы. Квартиры решены богаче, уютнее и, конечно, дают больше удобств (окончательно разработанный вариант, к со-

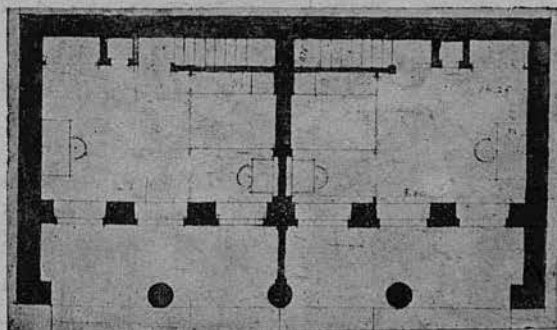
жалению, не удалось напечатать). Принята местная канализация с возможностью в будущем включения в общегородскую сеть (предполагалось строить дом в центре города). Изолированный дворик, в который раскрываются все помещения, имеет крытый айван, летнюю кухню, кладовую и выход в сад-огород. Архитектуре дома хотелось сообщить больше парадности, в силу расположения в одном из центральных районов города. Двухквартирный дом (рис. 15, 16 и 17) разработан нами в расчете на свободное расположение на участке; дом предназначен для работников Северного Ташкентского канала. Состав помещений про-

19. План трехквартирного дома

20. План двухквартирного дома в Ташкенте. Первый этаж

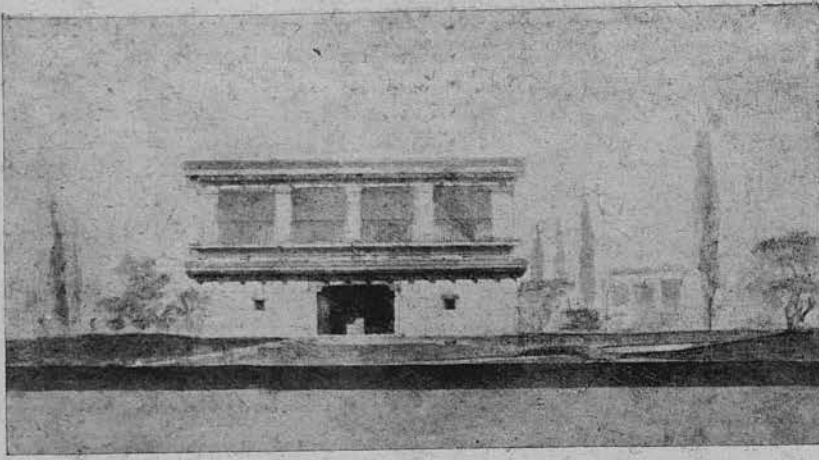

20а. План двухквартирного дома в Ташкенте. Второй этаж

веден более развернуто и с большей последовательностью. В архитектуре хотелось дать максимум лаконичности, но не в ущерб ее выразительности и лиричности.

Трехквартирный дом разработан при тех же условиях. Стены соседа здесь служат стенами индивидуального дворика, квартиры имеют тот же набор помещений и позволяют через свои индивидуальные, совершенно изолированные дворики выходить в усадьбу—огород и сад (рис. 18 и 19).

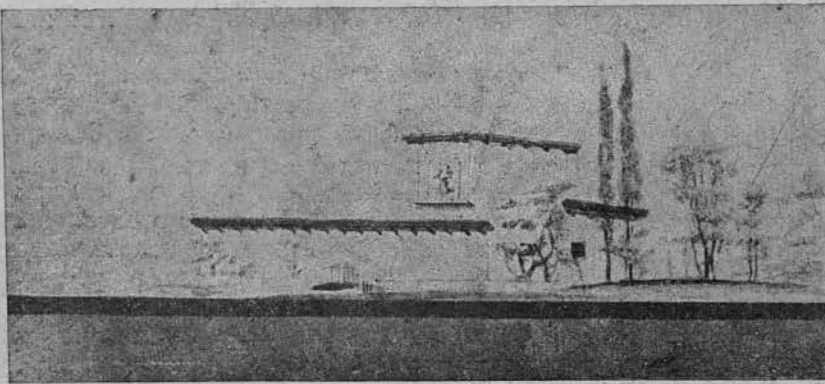
Проект двухэтажного двухквартирного домика, предназначенного для инженерно-технических работников одного эвакуированного завода, имеет ту особенность, что с улицы, через крытую галерею индивидуального дворика, посетитель попадает в прихожую и затем в большую общую комнату, из которой внутренняя лестница ведет в верхнее помещение (спальню и кабинет), а дверь—в кухню, санузел (уборная, душ) и на черный ход, который выводит на участок-усадьбу. Материалы—местные. Конструктивные элементы те же, что и в предыдущих проектах. Айван первого и второго этажей раскрывает помещения во дворик, где устроен маленький бассейн, обсаженный стриженной зеленью. Кладовые и хозяйственные помещения размещены тут же во дворике (рис. 20, 20а, 21 и 22).

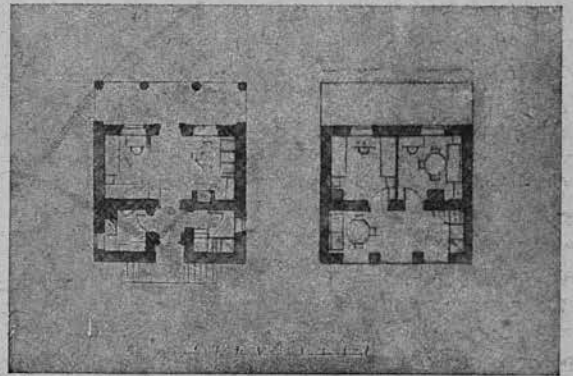
21. Передний фасад двухэтажного двухквартирного дома

23. Фасад двухэтажного одноквартирного дома

22. Боковой фасад двухэтажного двухквартирного дома

24. План двухэтажного одноквартирного дома

В проекте одноквартирного двухэтажного дома первый этаж отведен под основную комнату, в которую ведет с одной стороны вход с улицы через небольшую лоджию и прихожую, с другой — вход из кухни через прихожую (рис. 23 и 24).

Другая сторона большой комнаты раскрыта в сад через айван. Лестница, ведущая из прихожей в верхние помещения, выходит в

лоджию второго этажа, из которой два входа ведут в две комнатки-спальни. Лоджия в течение 7—8 месяцев будет полноценно использована как дополнительная площадь. Основные материалы и конструкции — те же, санитарно-техническое оборудование — выносное, но в случае канализования возможно устройство санузла под лестницей, где имеется соответствующая площадь.

Нашу работу над проектами жилых домов мы не считаем законченной, сделаны только первые шаги, разработаны только основные положения строительства в условиях Средней Азии. Дальнейшая работа должна быть направлена к созданию разнообразных типов современного жилища, полностью отвечающего высоким требованиям советской архитектуры.

ТРИ ПАМЯТНИКА РАЗРУШЕННЫЕ НЕМЦАМИ

П. Максимов

Вместе с другими замечательными памятниками русской архитектуры, пострадавшими от руки немецко-фашистских захватчиков, Комиссия по охране и восстановлению памятников архитектуры Академии архитектуры СССР обследовала в истекшем году колокольню в Никольском-Гагарине Ново-Петровского района Московской области (1773—1776 гг., арх. И. Е. Старов), церковь в Ершове близ Звенигорода (1829 г., арх. А. Г. Григорьев) и Никольский собор в Можайске (1802—1814 гг.).

Первое из этих зданий было взорвано немцами при их отступлении из Никольского в декабре 1941 года. Наличие сквозного прохода в нижнем ярусе этой колокольни и относительно небольшая высота ее делали ее малоприспособленной для военных целей, и разрушение памятника проще всего объяснить тем же желанием сорвать на памятниках русского искусства злобу, вызванную поражением на поле битвы.

Второе из упомянутых зданий — церковь в Ершове, была не только разрушена немцами, но и

превращена ими в орудие одного из своих бесчисленных кровавых преступлений. Как об этом говорилось в ноте В. М. Молотова от 28 апреля 1942 г., эта церковь была взорвана немцами вместе с запертыми в ней ранеными и пленными красноармейцами и местными жителями, погибшими под ее развалинами.

Наконец, собор в Можайске, пострадавший до занятия города немцами от действия их артиллерии, был еще более поврежден во время оккупации от пожара и взрыва, возникших почему-то в этом здании, которое служило тогда местом заключения и госпиталем для пленных красноармейцев.

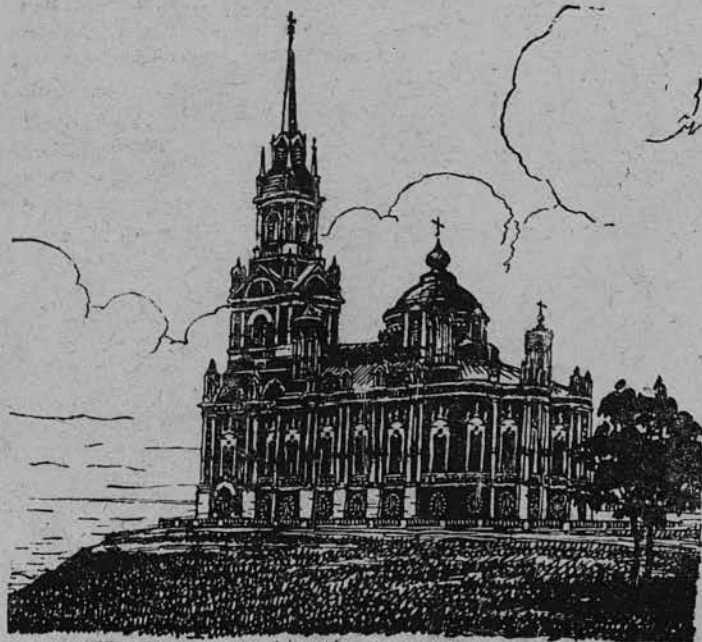
Такое отношение немецко-фашистских войск к памятникам русской культуры говорит о том, что известные слова приказа немецкого фельдмаршала фон-Рейхенау от 10 октября 1941 года о том, что «исторические и художественные ценности на Востоке не имеют никакого значения», — не просто слова, но приводимая в исполнение директива.

В то же время нельзя не отметить, что то презрение к памят-

никам русской культуры, которое выразил в своем приказе немецкий фельдмаршал неслучайно: у него были свои предшественники и среди немецких историков искусства. Так, еще в середине прошлого столетия К. Шнаазе на страницах своей общеизвестной истории искусств не жалел темных красок для описания «дикой природы» России и первобытной дикости нравов ее обитателей, неспособных, по его словам, ни к восприятию высоких идей, ни к созданию таких же произведений искусства. Все это нужно было ему для того, чтобы обосновать утверждение о том, что русские города являются безобразной смесью куполов и башен и русская архитектура отмечена напыщенностью, пестротой, произволом и влиянием чуждых форм и воззрений. Это повторяли с небольшими вариантами и другие немецкие авторы (Э. Ферстер, Ф. Куглер и др.), создавшие пространную «теорию» о том, что русская архитектура есть искаженная и варваризованная византийская, обросшая целым рядом азиатских — татарских, китайских и индийских — деталей, а позднее присоединившая к этой смеси и ряд западных форм.

Не менее безапелляционный и невежественный приговор выносило большинство немецких историков искусства русской архитектуры XVIII—начала XIX вв., которую они рассматривали как целиком заимствованную, лишенную какой-либо самостоятельности и только подражающую западным образцам.

Типичен в этом отношении отзыв о русской архитектуре П. Клоппера в его книге «Von Palladio bis Schinkel Eine Charakteristik der Baukunst des Klassizismus» (1912): «Еще менее заключается черт национального и самобытного в классической архитектуре России. Здесь преобладали итальянское учение Палладио и властвовали суховатые французские академики». И далее речь идет

Можайск.
Никольский собор
1802—1814 гг.
Рис.
П. Н. Максимова

почти исключительно о работавших в нашей стране иностранных архитекторах, среди которых видное место отводится немцам Тишбейну и Кленце, не игравшим, как известно, никакой роли в развитии архитектуры эпохи классицизма в нашей стране. Еще позже, в 1925 г., Г. Паулли в книге «Die Kunst des Klassizismus und der Romantik» уделяет русской классической архитектуре буквально столько же строк, сколько страниц уделяет он немецкой, и пишет, что «главные памятники (русской архитектуры эпохи классицизма) от Мраморного дворца до Эрмитажа в большей степени относятся к истории итальянского, французского и отчасти немецкого искусства, так как архитекторы вызывались из-за границы».

Что же говорят сами памятники русской архитектуры этого времени, в частности упомянутые здесь колокольни в Никольском-Гагарине, церковь в Ершове и собор в Можайске, ставшие ныне жертвами немецкого вандализма?

Мощный рустованный, лишенный окон низ, гладкие стволы и упрощенные формы капителей и антаблементов второго яруса и портиков низа, простые и крупные обломы карнизов, простые и лаконичные объем и силуэт здания и самые пропорции его придают колокольне Никольского-Гагарина то выражение мощи и сурового пафоса, которое так отличает ее от уточненного изящества других построек того времени — времени перехода от барокко к классицизму.

«Не будь подписанных чертежей Старова, нельзя было бы и мысли допустить, чтобы эта стро-

Никольское - Гагарино. Колокольня 1773—1776 гг. И. Е. Старов. Рис. П. Н. Максимова

гая эллиптическая дорика колонн, эта внушительная пустынность мощно рустованного низа, несущего колоннаду второго яруса, могли родиться в голове русского художника 1770-х годов... стиль колокольни точно издается над всеми законами эволюции. Здесь не только предугаданы грядущие пути и намечены вехи, но совершен невероятный, прямо фантастический скачок в будущее столетие и

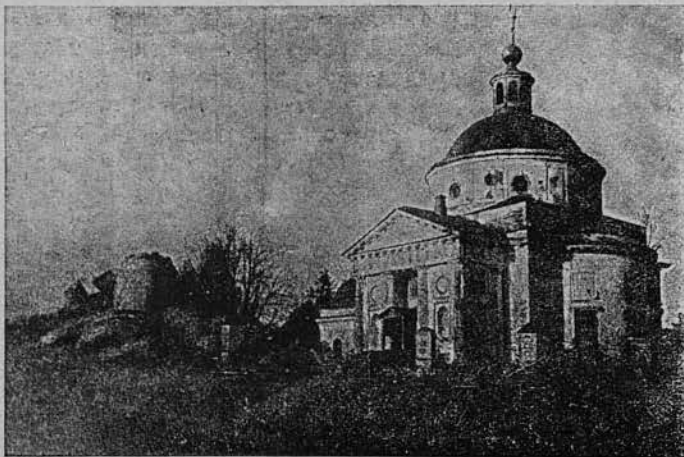
властно воплощена воля ближайшего, не родившегося еще поколения».

Так писал тридцать лет тому назад И. Грабарь о колокольне в Никольском-Гагарине (И. Грабарь — История русского искусства, т. III, стр. 340), и действительно ее архитектура такова, что ее можно вполне отнести ко временам Захарова и Томона, а не к началу 1770-х годов.

Из всех известных нам примеров такого предвосхищения архитектором форм и композиционных приемов будущей архитектуры колокольня в Никольском-Гагарине является, пожалуй, самым поразительным и говорит о том, какой самостоятельной и творчески держащейся натурой был ее автор.

Родившийся в 1743 г. в Москве И. Е. Старов учился архитектуре сначала в только что возникшей петербургской Академии Художеств, а затем (1762—1768 гг.) в Парижской академии у Ш. де Вальи. У этого своего учителя и его сотоварищей Старов мог воспринять то стремление к благородной строгости и простоте, которые так характерны для работ передовых архитекторов конца XVIII—начала XIX вв. и которое так ярко выражено в колокольне в Никольском. Но в годы его ученичества в Париже он не мог

Никольское-Гагарино. Разрушенная, немецкими оккупантами колокольня. Вид с запада

Никольское - Гагарино. Вид с юго-запада на церковь и колокольню, разрушенную немецкими оккупантами.

видеть подобной архитектуры даже на бумаге: работы К. П. Леду приобрели свойственный этому мастеру характер лишь к концу 1770-х годов; лишь в 1780-х годах это стремление к простоте и монументальности начало господствовать в студенческих проектах. В труде Пейра «Oeuvres d'Architecture» (1765), вероятно известном Старову, классическая обработка фасадов зданий сочетается с барочной сложностью планов. Издания, посвященные памятникам античной, в частности греческой архитектуры (Кошена, Суффло, Леруа, Д'Орвалля, Стюарта и Реветта), еще не оказывали влияния на работы крупных архитекторов того времени, как Габриель, Суффло, Луи, Контан д'Иври, де-Вальи, и лишь проект Хирургической школы в Париже, сделанный в 1769 г. арх. Ж. А. Гондуэн, может быть до известной степени сопоставлен с колокольней в Никольском. Но он был сделан спустя год по возвращении Старова в Россию, и, в процессе разработки и реализации его, Гондуэн, путем замены дорического ордера ионическим и коринфским и усложнения обработки проемов и стен, ввел свое произведение в рамки общепринятой архитектуры того времени.

Если так было во Франции, на родине нового направления в архитектуре, то еще меньше могла натолкнуть Старова на этот путь Италия, где он был в 1765—1767 гг. и где в работах архитекторов того времени (Д. Пиранези, А. Галилеи, Р. Стерне, М. Симонетти и др.) классическая строгость и простота нередко сочетались с чертами барокко, сочного и подозвучного.

К строгости, величавой простоте и монументальности, которые мы видим в колокольне Никольского, итальянские архитекторы подошли лишь в начале XIX в., как и англичане, которые во времена Старова были верны типичному для их страны палладианскому направлению, начатому П. Джонсом и продолженному К. Рэнном и его последователями. К тому же Старов в Англии не был, а в Германии, где он мог быть проездом при возвращении на родину, разве только Бранденбургские ворота в Берлине (1789—1794 гг.) работы К. Г. Лангханса

могут быть названы образцом нового направления в архитектуре. Но и дата их поздняя и, несмотря на большую простоту и строгость форм, они, с их слишком стройными для дорического ордера пропорциями колонн и облегченным антаблементом, являются вполне постройкой XVIII века. Таким образом Старов, вернувшись на родину, не забывал о тех идеях, которые, в годы его ученичества в

Ершово. Церковь 1829 г.
Арх. А. Г. Григорьев.
Рис. И. Н. Максимова

Париже, волновали наиболее передовых архитекторов того времени, он самостоятельно развивал их и подошел в колокольне Никольского-Гагарица к новым формам стиля будущего века ближе и раньше, чем кто либо из его современников в Западной Европе.

* * *

Зародившийся во Франции классицизм начала XIX века напрасно называют стилем «ампир», связывая его с империей Наполеона, ибо не во Франции он достиг своего расцвета. Французские архитекторы того времени или продолжают старые традиции, как Шальгрен в прекрасной арке на

площади Звезды в Париже, или добросовестно воспроизводя античные композиционные приемы и формы, начинают то «археологическое» направление в архитектуре, которое позднее так ярко сказалось в работе немецких архитекторов того времени—Шинкеля и Кленде. Только в России классицизм начала XIX века достиг своего полного расцвета, только здесь грозные события этого времени, в которых наша родина играла такую видную роль и которые нашли свое завершение в славном 1812 году, отразились в торжественном пафосе этой архитектуры, которая жила и развивалась здесь и в то время, когда западно-европейские архитекторы уже работали и в неогреке, и в неоренессансе, и в неоготике.

Адмиралтейство Захарова, Горный институт Воронихина, биржа Томона и ансамбли Росси в Петербурге, работы Д. Жилярди и А. Григорьева в Москве— вот высшие достижения классицизма начала XIX века не только в России, но и во всей Европе.

Афанасий Григорьев вместе с петербургскими архитекторами А. Мельниковым и П. Плавовым долгие годы оставался верным классическим традициям, и их работы заканчивают ту цепь, первым звеном которой была старовская колокольня в Никольском.

Одним из звеньев этой цепи является и церковь в усадьбе Олсуфьевых Ершово, построенная Григорьевым в 1829 году,— прекрасный пример той архитектуры, формы которой были за полвека предугаданы Старовым.

Объемы и силуэт этого здания так же просты и строги, как и у колокольни Никольского, так же просты и лаконичны и его детали—рустовка низа, лишенные обработки окна и двери, упрощенные дорический и ионический ордера портиков и колокольни, такие же упрощенные карнизы; наконец, пропорции здания придают ему то же выражение мощи и покоя, которым полна и колокольня в Никольском. Детальная обработка этой церкви типична для классицизма начала XIX века, но общая композиция ее очень своеобразна, и невольно возникает вопрос о том, что могло подсказать

Григорьеву идею центрического в плане здания, увенчанного колокольной. Западно-европейская архитектура того времени не знает таких решений, почему следует искать их источники в той стране, где преобладали центрические планы церквей, а высота издавна считалась одним из главных условий красоты здания,— т. е. в России.

Русская архитектура конца XVII века дает нам примеры та-

ковь Федора Тирона при Московском почтамте (1806 г.), или церкви усадеб Мурино под Ленинградом (1789 г.), Дедешино (1774 г.), Алтуфьево (1763 г.) и Гиреево (1718 г.) под Москвой.

Такое видоизменение одного и того же типа на протяжении трех столетий говорит о той преемственности, которая существовала между отдельными этапами развития русской архитектуры, и о том, что в русском классицизме нача-

в Можайске, построенный в 1802—1814 гг. и включивший в себя части более древней (XVI—XVII вв.) церкви, также обладает рядом национальных черт, связывающих его с древнерусским зодчеством. Таковы его сложный и богатый силуэт, его пятиглавие, красно-белая расцветка фасадов, членение второго этажа парными тонкими колонками, перехваченными на нижней трети их высоты жгутами и поддерживающими раскре-

Руины церкви в с. Ершово (Московской области), разрушенной немцами захватчиками в декабре 1941 г.

ких церквей «под колоколами», каковы церкви в подмосковных усадьбах (Фили, Уборы, Троицкое-Лыково, Зюзино, Сафарино, Петровское-Разумовское и др.), развивающие древнюю тему церкви-колокольни, известную еще с конца XV—XVI вв. (церкви-колокольни в с. Коломенском, Пешношском, Посифово-Волоколамском, Спасо-Ефимьевом Суздальском, Ферапонтовом Белозерском монастырях). И церковь в Ершове, переводящая композицию XVI в. на язык русского классицизма начала XIX в., связана с древними прообразами с помощью таких зданий, как одна из церквей подмосковной усадьбы Гребнево (1823 г.), цер-

ла XIX века, этой наиболее мощной ветви общеевропейской архитектуры, были живы национальные черты. Это говорит о том, что русские архитекторы того времени присматривались и к памятникам древнерусского зодчества и умели использовать опыт своих предшественников при решении тех задач, которые стояли перед ними, не впадая в рабское копирование древних форм и оставаясь в своих произведениях, в полной мере, людьми своего времени.

* * *

Третье из рассматриваемых здесь зданий — Никольский собор

повки узкого антаблемента, висячие замки арок и сложные контуры наличников окон того же этажа, и поле «ширинок», проходящий над тягой, разделяющей оба этажа.

Правда, здесь пятиглавие дано не таким, как в русских церквях XV—XVI вв., но в переработке барокко XVIII в. (см. например Андреевский собор в Киеве Б. Растрелли 1747—1767 гг., Никольский военно-морской собор в Ленинграде С. Чевакинского 1753—1762 гг., или старый Исакиевский собор А. Ринальди 1768 г.). Родственны барокко и некоторые другие особенности Можайского собора — силуэт его колокольни, плавные, не-

заметно переходящие одна в другую криволинейные в плане стены алтарных абсид, раскреповки аптаблементов и фронтонов колокольни и овальные окна первого этажа.

Наконец, здесь же мы видим и некоторые готизмы — стрельчатые очертания арок, перекрывающих проемы в барабанах ажурных боковых главок и отдельных частей парапетов, а также и арочный пояс, поддерживающий карниз центрального купола.

Такое соединение древнерусских, готических и барочных черт типично для так называемой «русской псевдоготики» XVIII—начала XIX вв., являющейся русским вариантом второго пути в развитии европейской архитектуры того времени, который можно назвать романтическим.

Если родиной основного течения, приведшего к созданию классицизма начала XIX века, была Франция, то второе течение — романтическое, стремившееся отойти от международных классических канонов в сторону средневековых форм, зародилось в Англии. Здесь даже после того, как И. Джонс решительно повернул архитектуру своей страны на классический путь, все же сказывались в замаскированной форме те или иные готические черты. Таковы арбутаны, восприимчивые распор свода среднего нефа собора св. Павла в Лондоне (1675—1710 гг., арх. К. Рэн), или те же арбутаны и контрфорсы, но примененные как декоративная деталь в башнях лондонских церквей Рэна и Хауксмюра, и живописные силуэты этих и многих других церковных башен того времени. В тех же случаях, когда нужно было сделать пристройку к древнему зданию, английские архитекторы XVII—XVIII вв. ра-

ботали не в обычных для них формах палладианского классицизма, но в готике. Таковы башни Вестминстерского аббатства (1722 г.) или церкви св. Дунстена (1698 г.) и св. Михаила (1721 г.) в Лондоне и колледжа церкви Христовой в Оксфорде, спроектированные и построенные К. Рэн (который, к слову сказать, считал более правильным называть этот стиль сарацинским, указывая на то, что готы были скорее разрушителями, чем строителями). Неудивительно, что именно здесь в Англии появились уже в 40-х годах XVIII столетия первые новые постройки в готическом стиле. Правда, в этих постройках и проектах готика понималась очень поверхностно и наивно, но это было лишь начало того пути, который привел к появлению более серьезных построек и изданий и к проникновению этой архитектуры на континент.

Появление так называемой псевдоготики в нашей стране обычно связывалось с поездкой в Англию в 1774—1776 гг. архитектора И. В. Неелова, но такому упрощенному объяснению ее зарождения противоречат и отмеченное выше наличие некоторых черт древнерусской архитектуры в русских «псевдоготических» постройках, и даты наиболее ранних из них, какова церковь усадьбы Старки-Черкизово близ Коломны, начатая постройкой в 1759 году. Архитектура этой церкви более родственна русской архитектуре XVII века, чем готике, и наличием тех или иных древнерусских черт отмечены и последующие постройки В. И. Баженова (усадьба Знаменка 1768—1784 гг., постройки в Царицыне 1770 гг.), М. Ф. Казакова (Петровский дворец и портик Чудова монастыря в Москве того же времени) и др.

Ранние даты русских «псевдоготических» построек и наличие в них родства с древнерусской архитектурой и барокко XVIII века говорят о том, что появление в России романтической архитектуры объясняется не только знакомством русских архитекторов того времени с последними течениями западно-европейской архитектуры. Оно было в то же время и продолжением того процесса слияния западно-европейских форм с русскими, который сказывался и в барокко XVIII века — в пятиглавии церквей, в некоторых деталях обработки фасадов, в пристрастии к высотным композициям, в особом внимании к силуэтам зданий и, порою, в сочетании новых форм с исконной техникой кирпичной кладки.

Словом, в романтической архитектуре XVIII—начала XIX вв. русские архитекторы шли не за наиболее передовыми архитекторами Западной Европы, но рядом с ними, и создали свой русский вариант этой общеевропейской архитектуры, основанный, в значительной степени, на использовании архитектурного наследия древней Руси.

Русская архитектура XVIII—начала XIX вв. была одним из наиболее мощных и передовых течений общеевропейского классицизма и продолжала, в то же время, оставаться национальной, не теряющей связи с более ранними постройками нашей страны.

Таков тот ответ, который дают на измышления немецких историков искусства эти три памятника, пострадавшие от руки немецких варваров и объединяемые между собой этой печальной участью.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

НА ПУТЯХ К НОВОЙ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

А. Буров

В Афинах стоят два сооружения, оба построены в век Перикла, оба—из одинакового мрамора в дорическом ордере, оба—периптеры, оба—храмы. Одного из них коснулась рука гения—Фидия.

И вот один из этих храмов—Тезейон—вызывает чувство разочарования, другой—Парфенон—вызывает радость, глубокое волнение, восторг. На него нельзя наглядеться, от него трудно уйти. Проведи возле Парфенона целый день, кажется, что ты его и не начал смотреть. Полная и сложнейшая гамма ощущений, от эпического спокойствия до глубочайшего потрясения прекрасным, переживаемая смотрящим, воспринимающим Парфенон—эту вершину пластического воплощения человеческого гения.

Рука Фидия прошла по мрамору Парфенона, моделировала камни и внесла гармонию в систему. И ожили материал и конструкция, и скульптура, и периптер, и скала, на которой он стоит: это и есть архитектура. А Тезейон остался мертвым, хотя в нем применен тот же материал, тот же композиционный прием, в нем есть и пропорции, и криватуры. Рука гения, построившего Парфенон, на несколько миллиметров проникла в камень, сблизила и расставила, где это было необходимо, колонны, наклонила их, изогнула антаблемент—почти как в Тезейоне. Но насколько нужно укоротить нос у Венеры, чтобы она перестала быть Венерой? Не на много.

Никогда ни конструкция, ни материал, ни композиционный прием, ни золотое сечение или другой ряд чисел, ни делесообразность, ни экономия, ни вместе, ни порознь не создавали архитектуры. Но никогда не было и не могло быть подлинных архитектурных сооружений, где каждый из этих факторов не был бы полностью учтен и использован наилучшим образом, т. е. наиболее совершенным и современным для своей эпохи способом.

В греческой архитектуре конструкция и материал входили как элемент синтеза в тектоническое единство, в архитектуру сооружения. Затем постепенно происходило как бы «выделение архитектуры» из тектонического единства сооружения, возникала отдельно «конструкция» и отдельно «архитектура».

Греки не украшали архитектуру архитектурой.

В Парфеноне нет архитектурных украшений, а есть лишь тектонические элементы сооружения, моделированные и приведенные в гармоническую систему. Украшениями служат скульптура и полихромия, примененные так и в таких местах, где они не вступают в противоречие с тектоническими элементами и не проникают в них, а именно—в свободном от тектонических элементов пространстве тимпанов и междустолпий тригливов.

Иными словами, украшения полихромной скульптурой являются независимыми от основной тектонической системы. Они не проникают своей пластикой в тектоническое пространство сооружения.

Римляне украшали архитектуру архитектурой.

Ордера, приставленные римлянами к тектонической системе арок Колизея или амфитеатра в Ниме, являются архитектурными украшениями по отношению к тектонической системе сооружения.

При помощи ордера здесь как бы осуществлялось перенесение в римские памятники той гармонии, которую римляне ощущали в памятниках греческих. Таким образом, в ордере наивно видели основной ключ к архитектурной гармонии. Ордер становится отныне философским камнем архитектуры, «корнем мадрагоры», присутствие которого наверняка должно сделать сооружение прекрасным.

В ренессансе ордерное украшение, будучи изображенным на стене, начинает проникать своей пластической трехмерностью в тек-

тоническую трехмерность стены, все же оставаясь подчиненным основной, фактической конструкции стены.

Наконец, барокко разрушает архитектурную тектонику, полностью подчиняя ее пластике. Ордера, украшения и вся тектоническая система разрушаются, удерживаясь в пространстве за счет недифференцированной, тектонически не организованной массы материала.

Вместе с формой менялось представление о прочности и свойствах материала—от доминирования материала в Египте к доминированию формы в барокко.

До наших дней живет вера в магическое действие ордера, присутствие которого (или его частей) на фасаде здания должно неминуемо сообщить зданию и красоту и гармонию,—все, чем обладали произведения Фидия. Этому же учат в школе и в академии.

В XX в. возникло естественное желание избавиться от этого совершенно утратившего свой смысл рудимента архитектуры и был провозглашен примат конструкции. Вместе с «архитектурными формами» было при этом выкинуто представление о том, что архитектура в целом является искусством, т. е. вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка.

По существу нет никакого противоречия между современной техникой и искусством—это противоречие возникало в значительной мере из-за того, что те, кто пропагандировали примат техники в архитектуре, не любили и не понимали искусства, а те, кто пропагандировали архитектуру как искусство, не любили и не понимали техники.

Крах нигилистического конструктивизма, лишеного в наших условиях идейной почвы и давшего в итоге безграмотные и безрадостные дома-коробки, привел на смену этой школе ренессансную школу. В качестве лозунга, обеспечивающего преемственность и имеющего современное звучание,

было выдвинуто положение: «классика — конструктивна», затем — «ренессанс — это тоже классика», следовательно, «ренессанс — конструктивен».

Поскольку конструкция обуславливается прочностью и весом, то и «конструктивность» ренессанса и лежащие в его основе архитектурные принципы «вечны и неизменны». Следовательно, как полагают приверженцы ренессансной школы, нет никаких препятствий к тому, чтобы на основе конструктивных принципов ренессанса делать современные вещи, строить современные дома.

Но в том-то и дело, что ренессанс в архитектуре отнюдь не конструктивен, а целиком изобразителен.

Естественно, что попытки архитектора построить современные сооружения на ренессансных принципах приводят к систематическим неудачам. Но так как предпосылки выглядят убедительно (классика конструктивна и т. д.), то неудачи приписываются обычно лишь неумению того или иного архитектора.

Я думаю, что защитники ренессансной школы и сами прекрасно понимают изобразительную сущность ренессанса. Но с этих позиций можно защищать только пленительное обаяние архитектуры Возрождения, которое к тому же так велико, что не нуждается в защите. Однако одного пленительного обаяния мало для утверждения в наши дни «вечных» принципов ренессанса. Поэтому ревнителю последнего выдвигают положение о неких «вечных» категориях прочности, веса и т. п., будто бы воплощенных в архитектуре ренессанса. Но в том-то и дело, что все эти категории отнюдь не вечны. Ведь меняется не только прочность материала, но и наши представления о прочности того же материала и умение его иначе использовать, а, следовательно, и вес и объем, т. е. форма и соразмерности (так, например, соразмерности ордера обусловлены работой каменной балки на изгиб, что прекрасно понималось греками, расставлявшими колонны при применении деревянных архитравов, и чего все же не делает ре-

нессансная школа при железобетонных архитравах). Именно эта невозможность создать на основе ренессансных принципов что-нибудь другое, кроме ренессансных форм, и привела к чисто репродукционной архитектуре.

Поясню примером. Мозаичисты XIX в. всеми силами добивались так делать мозаику, чтобы ее нельзя было отличить от масляной живописи. И добились. И уничтожили мозаику как замечательный художественный материал. Мозаики XI в., или мозаики Омнидов в Дамаске, Торчелло, Дафни, Стамбула, Киева (особенно последние), где мозаики ничего не репродуцируют и не имитируют, являются незабываемыми художественными образами огромной впечатляющей силы. Создавались эти образы специфическими средствами мозаики. «Репродукционная» психология XIX в. убила не только мозаику, но и гравюру, гобелен и т. д. Отношение к штукатурным деталям в архитектуре Помпеи совершенно другое, чем в XIX в. Там штукатурная деталь не имитирует камень, она применена скульптурно. И, если ренессанс создавал чудесные вещи, то именно потому, что он их создавал, а близкое повторение через пять столетий образцового памятника является репродукцией. Учебное и художественное значение таких репродукций бесспорно и тем выше, чем ближе они к оригиналу. Ходим же мы в музей изобразительных искусств смотреть и восхищаться слепками. Нужно признать, что архитектурную репродукцию сделать значительно труднее, чем скульптурную: последнюю просто отливают. Трудности архитектурной репродукции заключаются в том, что сооружение стоит больших денег. И просто скопировать уже существующий исторический памятник, сделанный для другого назначения, потерявшего всякий смысл через пять веков, нельзя, поэтому приходится в старую заданную форму вкладывать новое содержание. Чем выше мастерство, тем заметнее это удается сделать. Попутно приходится менять размеры сооружения в целом, репродуцировать камень в штукатурке, маскировать железобетон и т. п. В некоторых слу-

чаях это удается сделать и подойти совсем близко к оригиналу.

Философия ренессансной школы в основном сводится к формально грамотному изображению на стене несуществующей ордерной конструкции или ее элементов — в полном противоречии с действительной конструкцией и назначением сооружения и временем его создания. «Не быть, а казаться».

Надо ли изучать классику? Надо. Надо ли знать ее до конца? Надо. Уменьше безукоризненно с точки зрения формы, подражать ей — есть ли знание до конца? Нет, это только половина дороги на пути ее изучения. Вторая, более трудная часть лежит дальше: так знать и понять, чтобы не подражать, а делать по-другому, по-своему, по-новому. Должна быть внутренняя связь, а не формальное сходство. Не все классика, что называется этим именем, и не со всякой классической традицией эту связь нужно устанавливать и, во всяком случае, в первую очередь с традицией тектонической, а не изобразительной, т. е. не ренессансной. Классику нужно изучать так, как ее изучал Лермонтов, чтобы иметь право гордо сказать: «нет, я не Байрон». Следуя ренессансной школе, в лучшем случае, в конце эпитонского пути удастся сказать: «я почти как Палладио».

* *

Ордерная система очевидно адекватна представлению о прочностях материалов тысячелетней давности. Ордер, перенесенный на стену сооружения, сразу переводит здание в круг древних представлений о весе, прочности и конструкции и, следовательно, делает невозможным развитие современного образа. Ведь современный образ неразрывно связан с новым представлением о прочности материала и с новым образно-пластическим выражением, свойственным современности (и уже нашедшим свое воплощение в других искусствах). Я хочу пояснить на примере, что я понимаю под изменением представления о прочности материалов и какие противоречия возникают на этой почве между трактовкой фасада в ренессанс-

ной школе и обычной современной кирпичной стеной.

Так же, как и в живописи ренессанса, линейно-пластический образ в архитектуре почти переходит в объем, никогда в него не переходя, оставаясь подчиненным картинной плоскости стены или доски.

Для такого изображения ордерной системы стена должна быть, по крайней мере, равна третьему (глубинному) измерению изображенной ордерной системы или ее части. Так и было в ренессансе — при стенах толщиной порядка 1,5 м. По нашим представлениям о необходимой и достаточной толщине стены, т. е. о прочности старого материала, изменились, а ордерные соотношения остались, в результате чего применение ордера на стене дает силуэт и рядом эксцентричные колонны, что, во всяком случае, не очень конструктивно и довольно далеко от «вечных принципов». Неразрешимое противоречие возникло между применением на практике теории ренессансной школы и новым представлением о прочности старого материала.

Представители ренессансной школы, вероятно, возразят, что все это совсем не так и что они делают вполне современные здания. Но есть ли хотя бы одно такое современное здание, в котором воплотились бы принципы ренессансной школы и которое было бы свободно от всегда сопутствующей этим принципам архаической формы?

* *

Существуют и другие методы архитектурного творчества. Например такой. Берут лист бумаги и на нем пишут по порядку: 1) жизнерадостность, 2) индустриальность, 3) освоение наследства, 4) национальное по форме, 5) социалистическое содержание, 6) синтез искусств и т. д. Пока чертится проект, бумага лежит на столе; в нее заглядывают, когда проект вычерчен. Берут красный карандаш и делают проверку исполнения.

1. Жизнерадостность? — здание белого цвета — есть. Красным карандашом ставится птичка.

2. Индустриальность? — все 200 квартир, все окна, лестницы и двери — совершенно одинаковые — есть. Птичка.

3. Наследство? — Карниз ренессансный. Есть. Птичка.

4. Национальное по форме. — Русские наличники (или азербайджанские, если дом строится в Баку). — Есть. Птичка.

5. Социалистическое содержание? — Для кого дом? — Для наших советских людей, и потом эмблема. Есть. Птичка.

6. Синтез? Скульптуры в пальто или трусиках, в зависимости от климата. — Есть. Птичка.

Это один из распространенных методов, но это вообще не архитектура. Существуют и другие методы, менее распространенные, позволившие ряду мастеров создать на данном этапе развития качественные произведения, позволяющие ставить новые задачи перед нашей архитектурой.

Но в основном наша практика и архитектурная теория, и преподавание в школе построены на решениях архитектурных задач в тяжелых материалах, т. е. в материалах с низкой удельной прочностью.

Теория изобразительного ренессанса, распространенная в нашей школе и практике, находится в полном противоречии не только с новыми материалами, но и со старыми материалами в новом представлении. В припадке какого-то необъяснимого эстетизма ренессансная теория возводится в единственную и непреходящую догму — и практически осуществляется.

* *

Античная Греция и ее наследник — русская национальная архитектура, построенная на принципиально другом отношении конструктивных и изобразительных элементов, рассматриваются как археология, или используются лишь для механического перенесения деталей XVII в. в современное здание.

Нелепо думать, что русские детали XVII в., понятые через Стасова и повешенные на стену современного жилого дома, — это «русски». Ведь XVII в. делал не так, как XVI в., оставаясь рус-

ским, а наш XX в. не должен делать, как XVII в. Это до того ясно, что и писать об этом как-то неловко.

Конечно, переносить готовые детали легче, чем понять национальные особенности, сложившиеся в веках и проявившие себя во всем изменчивом многообразии стилистических форм. Понять трудно, но нужно. Вот это и будет национальной по форме архитектурой.

В русской архитектуре XI—XII вв. (например, в церкви Покрова на Нерли), берущей свое начало, как мне представляется, в античной Греции, через далматинских мастеров, строивших дворец Диоклетиана в Сполато, — мастеров, славившихся своим умением, восходящим к античности, делать архитектурные детали, говоривших на славянском языке, имевших близкую нам письменность и к тому же православных, — античные традиции удержались и выразились в том, что в русской архитектуре господствовал тектонико-пластический принцип античной архитектуры.

Действительно, основной тектонической системой церкви Покрова на Нерли, Дмитриевского собора, Рязанского собора, Ильи Пророка в Ярославле или деревянных памятников Олонекского края является объем — стена. Все остальное является скульптурной, пластической, изобразительной темой, только подчеркивающей и усиливающей по закону контраста основную тектоническую систему. Как в русском зодчестве XI—XV вв., так и в архитектуре XVII в. (которая может только условно называться барокко, так как здесь нет главного присущего барокко — разрушения основной тектонической системы — стены, объема) стена и объем остаются тектоническими, и меняется только характер изображенных деталей. Античная греческая традиция, впитанная русским искусством, жила и будет жить в русской архитектуре и является ее отличительной особенностью, — а не те или другие детали или наличники.

Античная архитектура и ее наследник — русская архитектура — сильны не канонами, а изменением формы при сохранении основ-

ного принципа. Это и может быть ключом, который позволит решить проблему синтеза пластической формы и нового материала. Ощущение и понимание принципиально нового позволит изменить и повлиять на отношения к старым материалам, существенно изменив эстетику формы сооружений, возводимых из старых материалов, не отодвигая их вглубь веков ренессанса и не гримируя, по образцу конструктивизма, под железобетон.

* *

Прогрессивная роль науки и ее достижений не только в том, что они, будучи практически освоены в промышленности, видоизменяют эту промышленность, но и в том, что еще не будучи полностью освоенными, они видоизменяют наше сознание, которое по-новому начинает воспринимать привычные вещи и материалы и по-другому их использовать как практически, так и художественно. Архитектура, спрятавшаяся под страусово крыло извечных принципов ренессанса, окажется перед удивительными вещами, если вовремя не вытащит головы из-под этого крыла. Мы должны быть готовыми к строительству из новых материалов, но и из старых материалов мы должны строить принципиально по-новому, а не принципиально по-старому.

Когда мы имеем дело с обычным кирпичом, этот кирпич не кажется ни слишком тяжелым, ни непрочным, привычным и не заставляет задуматься. Но когда блок, равный по высоте этажу и занимающий один неширокий простенок между двумя окнами, весит три тонны и его привозят за 15 км с завода на отдельном грузовике, а мощный кран со скрипом и скрежетом поднимает его в воздух на пределе своей мощности (причем прочность и вес блока и кирпича равны), — несоответствие между весом и строительным эффектом наших материалов настолько бросается в глаза, что невольно пришлось задать себе вопрос: чем мы занимаемся, строя из блоков? максимально индустриализованным и передовым строительством или перевозкой строительного мусора?

Мы много говорили и писали о том, что прогрессивной формой строительства должно быть каркасное строительство, где функции несения возложены на прочный и легкий каркас, а функции термоизоляции на соответствующий легкий наполнитель. Мы строили дома с тяжелым железобетонным каркасом (тяжелым ввиду принятых у нас норм и потому, что наполнителем оказывался все тот же кирпич, который нагружался на каркас) и, не получив почти никакой экономии (вес одного кубометра такого здания равен 370 кг), снова возвращались к кирпичу без каркаса с весом одного кубометра в 475 кг! Хотя по существу наиболее прогрессивной и экономной конструкцией будет не каркас с заполнением и не стена-оболочка, а ребристый каркас-оболочка. Наряду с напряженным армированием, плоскими сводами, дающими возможность перекрывать огромные пространства, и другими конструктивными приемами — одной из главных задач строительства является борьба с мертвым весом сооружения. Мы смешиваем два понятия — тяжесть и прочность.

Я вынужден несколько подробнее остановиться на физико-механических свойствах материалов с точки зрения современных технических представлений, так как эти изменившиеся представления в дальнейшем окажут огромное влияние на формирование архитектуры.

Когда строителю приводят термин «удельная прочность», обычно следует вопрос: а что это такое? Удельная прочность есть прочность материала, деленная на его удельный вес. Это понятие принято в американской промышленности и служит основным критерием механических свойств материала. Самолет не полетит, если он будет перетяжелен, а дом стоять будет, и наше несчастье в том, что мы предметно не ощущаем преступной тяжести наших сооружений, что мы к ним исторически привыкли, что для того, чтобы это увидеть, пришлось перейти на блоки и только тогда ощутительно понять, что значит удельная прочность. Эта «невидимая» тяжесть не перестает быть тяжестью и ложится

на наше народное хозяйство миллионами литров зря сожженного бензина, нехваткой жилищ, медленностью стройки и миллиардами окаменевших рублей.

В свете действительной удельной прочности оказывается, что прочность на разрыв авиационной стали (в кг/см²) равна 1650, строительной стали — 440, пропитанной бакелитом фанеры — 1840, а армированного льном бакелита — 3200! Кирпичный и круглый блок дает на разрыв 5, а на сжатие — 80.

Удельная прочность кирпича и блоков в 10 раз меньше, чем строительной стали, и в 30 раз меньше, чем текстолита, дюрмоляда (пропитанная бакелитом фанера). Иными словами, кирпич и блоки не являются идеальным материалом в сравнении с современными материалами ни по прочности, ни по термоизолирующим качествам. Сооружения из современных материалов могут быть построены и строятся с весом примерно в 15 раз меньшим, чем обычные здания.

Приведенные цифры являются только нижним пределом возможностей в получении сверхпрочных и нетеплопроводных материалов путем создания текстурных материалов и реализации теоретической (междуатомной) прочности материалов.

В США, например, разработан новый вид термоизоляционного материала, нашедшего свое применение в тропиках. Из этого материала был выстроен дом адмирала Бирда на Южном полюсе, т. е. материал был испытан и использован в двух его крайних смыслах и дал прекрасные результаты. Термоизолирующая панель представляет собой систему, состоящую из двух листов слоистого бакелита толщиной около 1 см с 25-миллиметровой воздушной прослойкой, разделенной посередине одним листом алюминиевой фольги. Теплоизолирующее действие такой стены как от холода, так и от тепла равно действию кирпичной стены толщиной в 1½ кирпича. Вес 1 кв. м этого материала равен 30 кг. Вес равной ему по термоизолирующим свойствам кирпичной или блочной стены равен 500 кг, т. е. указанная выше

стена с алюминиевой диафрагмой в 17 раз легче, чем кирпичная стена.

Таковы теплоизолирующие свойства кирпича и блоков по сравнению с современными материалами. Я далек от мысли отрицать важность кирпичного и каменного строительства, в особенности если эти материалы находятся под руками. Я хочу лишь показать, что применение новых материалов может позволить построить принципиально и органически новый по архитектуре жилой дом, обладающий вместо обычного присущего ему веса около 30—35 тыс. тонн (вес крупного современного линкора) — весом всего в 2 тыс. тонн. Преимущества такого снижения веса очевидны и в основном сводятся к экономии на транспорте, возможности возводить сооружения с большой скоростью и возможностью изготовлять детали действительно индустриальными способами, сконцентрировав это производство на специальных заводах с большим радиусом действия. Если переход на новые материалы в крупном строительстве представляется в настоящее время затруднительным, то в малоэтажном строительстве это возможно и в США полностью освоено. Один кубометр такого дома весит около 50 кг, т. е. в 10 раз легче, чем обычного московского жилого дома. Такие же результаты при малоэтажном строительстве могут быть достигнуты и в наших условиях. Естественно, что вместе с утонением стены происходит уплотнение материала, переходящего от рыхлой поверхности камня к блестящей плотной поверхности, обеспечивающей меньшую теплопроводность и большую долговечность материала (использование поверхностных свойств материала) и новое эстетическое качество.

Чем беднее фактура материала, тем больше потребность его моделировать, т. е. заставить воспринимать богатую форму вместо бедной поверхности. Причем форма может быть так богато моделирована, что качество материала вообще теряет свое значение. Индустрия дает такие материалы, фактуру которых жаль портить излишне разработанной формой. Высокочерные и нетеплопроводные,

т. е. легкие материалы не могут уложиться в формы, получающиеся в результате применения тяжелых материалов, и не могут быть архитектурно освоены и применены на базе теории ренессансной школы.

* *

Наше восприятие архитектуры перегружено историческими отложениями, и им нечего противопоставить, кроме воли к новому, не поддержанной строительной индустрией, на которую можно было бы опереться. В Америке новые идеи в архитектуре, освободившись от нигилизма прозелитов и пройдя через индустрию, начали давать ростки новой органической архитектурной формы. Простой четкий разговорный язык, минимум слов, но все слова отысканы, целесообразны и в них отлита форма.

В одном из номеров журнала «Форум» за 1943 год опубликован проект дверной ручки для послевоенного строительства с замечанием, что одна плохая ручка — это скверно, но при массовом производстве превращается в бедствие.

Эта ручка может служить примером американской системы продумывания, начиная от таких, казалось бы «проще пареной репы» вещей, как дверная ручка. Своеобразная селекция. Простота не лежит в начале развития ни в организациях, ни в вещах.

* *

Не нужно смешивать традицию и привычное представление. Хорошие традиции, — например, вежливость, камин в американском доме, памятники архитектуры, деревья — нужно сохранять, они имеют исторические корни, а привычные представления об архитектуре, сложившиеся из окружающих нас безвкусных предметов конца XIX в. и начала XX в., ничего хорошего не представляют, но они формируют псевдохудожественное сознание и во многом предопределяют создавшиеся у нас вещи и оценку их. В Америке, где построены поразительные осветительные приборы, способные создать любое освещение, предпочитают ужинать при свечах. И при наличии отопле-

ния с термоконтролем, позволяющим иметь заданную температуру в любое заданное время и в любом месте дома, неуклонно делают камин, а кондиционированный воздух не вытеснил открывающихся окон. Новые методы стройки, материалы и возможности, новые представления о гигиене помещения в широком смысле прошли через лиризм, присущий человеческому жилищу. И техника, не потеряв своего лица, подчинилась этому лиризму, найдя свое выражение и в камине, и в других вещах, окружающих человека в доме. Фетишизированная техника является чудовишной вещью. Этим и занимался конструктивизм.

У нас остается очень мало времени для подготовки к восстановлению городов, а строительство на Востоке в полном разгаре. В разрушенных городах и районах нужно будет восстановить все ценное — от заводов до памятников и вместе с этим существенно, а местами и в корне пересмотреть планировки, сложившиеся в результате других хозяйственных и социальных отношений и технических возможностей.

Характер планировки и застройки в основном будет определяться: 1) стоимостью того или другого вида строительства, 2) рельефом, 3) стоимостью благоустройства, 4) транспортом. Автомобиль в США произвел настоящую революцию в представлении о планировке городов, т. е. позволил рассредоточить строительство. В общем оказалось, что приятнее и полезнее жить в зелени, чем в пыли магистрали, даже украшенной скульптурами, и притом целесообразнее в отношении противовоздушной обороны.

Если не изменить планов восстановления городов, то в пределе возникает тот конфликт, что и между автомобилем и планировкой Нью-Йорка. Эту задачу нужно решать сразу.

Новую архитектуру и возможность ее создания будет определять в огромной степени решение вопроса об экономической системе канализации и автомобильных дорог.

Нужно сделать все, чтобы канализация не задушила архитектуру. Наука должна помочь решить эти

вопросы на основе местных материалов, превратив их из мусора в качественный продукт.

Индустрия, техника и новые материалы нужны не для того, чтобы делать прекрасную архитектуру. Прекрасная архитектура была создана и без этих материалов, но всегда на уровне передовых технических представлений. Все это необходимо для того, чтобы создать высокий уровень жизни для огромного количества людей, лишившихся жилья. Дело не в том, что передовая строительная индустрия необходима архитекторам. Она необходима стране, и поскольку она необходима и будет создана, архитекторы должны уметь ее использовать.

Никогда не было большой архитектуры, которая не умела бы пользоваться современной ей техникой и материалами или использовать их неправдиво.

Миф об Антее касается архитекторов больше, чем кого бы то ни было. Отрыв от земли, природы и народа привел к академизму, питавшемуся и получавшему свое развитие при дворе французских королей и в дальнейшем в условиях капиталистического города. Порвав с природой, архитектор порвал с пейзажем, материалами, здоровым образом жизни, народным здравым смыслом, т. е. со всем тем, что связано с землей и природой.

* * *

Наиболее верными и прогрессивными видами строительства в недалеком будущем будут являться одно- и двухэтажные дома, во-первых, потому, что это наиболее здоровый и экономичный вид жилищного строительства; во-вторых, потому, что этот вид наиболее подходит для массового индустриального строительства; в-третьих, потому, что этот тип строительства не вступает в противоречие с автомобильным транспортом, т. е. не создает напряженного графика и не вызывает строительства тяжелых автострад и пересечений. Другим видом будут дома башенного типа (в 10—15 этажей), дающие большую плотность застройки при максимальном количестве зелени, их окружающей, и

минимуме планировочных работ. Необходимо соединить две системы дорог — сквозных автострад и подъездных дорог, следующих за рельефом. Город не надо нивелировать и «подсыпать» и все заливать асфальтом. Чем живописнее будет рельеф, чем больше будет зелени и меньше асфальта, тем красивее, гигиеничнее, приятнее для жизни, неуязвимей с воздуха и дешевле будет жилище.

Всякое настоящее архитектурное произведение и архитектура в целом так же, как поэтическое произведение, есть язык народа, а язык народа есть живой организм. Всякий живой организм несет в себе свое прошлое, настоящее и будущее, иначе он не был бы организмом, как язык «эсперанто» или конструктивизм. Вопрос только в том, каково соотношение прошлого к настоящему и будущему. Это относится и к конструктивизму, состоящему из одного предполагаемого будущего, и к ренессансной школе, строящейся на репродукции рудиментов прошлого. Это относится и к типам сооружений, в частности к нашим многоэтажным жилым домам. Многоэтажные дома так, как мы их строим, — вообще не организм, а колония амёб, вызванная к жизни отжившими военно-транспортными соображениями прошлого. Отсюда все трудности создания архитектурно-выраженного организма. Нечего выражать. Такая колония может расти до гигантских размеров, и неизвестно, где надо остановиться, и надо ли. Мелодия из одной ноты. Если бы эти дома строились как логичный и нужный социалистический апартамент-хауз, тогда это были бы организмы с логически определяемыми размерами, с органической композицией, отразившейся в архитектуре.

Основной вид строительства в США — одно- и двухэтажные коттеджи. Большая этажность и плотность вызывают невозможность пользоваться автомобилями и лишают зелени, так как при количестве отработанных газов, выпускаемых 25 миллионами автомобилей в стране, они делают жизнь невыносимой. Все это нужно учесть теперь же.

Восстановление страны нужно начинать с дорог и трейлеров, ина-

че мы все деньги уьем в непролазную грязь и бараки, а если учесть, что, по сведениям Академии архитектуры, трудоемкость, уходящая на 1 кв. м нашего барака, в 12 раз больше, чем трудоемкость на 1 кв. м благоустроенного американского дома, то вопрос становится серьезным.

Помимо строительной промышленности надо создать промышленность трейлеров. Нужно сместить центр тяжести в понимании значения слова «архитектура» и в практике и в школе: от преподавания канонически замаскированных под имманентно присущие архитектуре законы, выведенные из изобразительного ренессанса в тектонические закономерности, присущие якобы всем архитектурам, но разбивающиеся вдребезги при соприкосновении с легкими материалами, — в сторону исторически обусловленной эволюции. От понимания уникального — к пониманию массового.

Характерной особенностью воспитания на уникальных памятниках явился результат смещения понятий архитектурного значения сооружений. Архитекторы непрерывно изучали дворцы и храмы, и рядовые жилые дома, которые они затем строили, стали принимать образы дворцов и храмов, а для дворцов вообще не осталось художественных средств выражения. Не было поставлено сравнительное изучение архитектурных средств, применявшихся для жилья и форума, хотя бы на примере Помпей, где форум, сделанный во всю доступную архитектуре силу, воспринимается как таковой только в среде и по отношению к простым и скромным фасадам жилых домов, у которых архитектурно едва подчеркнута одна входная дверь.

Это смещение должно быть проведено и в школе и в сознании архитекторов, собирающихся восстанавливать города. От обусловленности архитектуры чертежом, чертежными инструментами, акварелью и т. п. — к истинным факторам, обуславливающим архитектуру, т. е. художественному образу, в действительности обусловленному материалами и техническими средствами, которыми он осуществляется в натуре.

Металл, дерево, камень, синтетические материалы, методы сооружения и расчета,—а не рейсшина, циркуль, бумага, акварель и абстрактные пропорции должны вести архитектора. Архитекторы—все или почти все—знают о бумаге, рейсшине и акварели, и ничего или почти ничего, за редкими исключениями,—о строительных материалах и их действительных свойствах. Мастер, создавший Перли, знал свойства камня и как из него надо строить. Делая свой чертеж, он устанавливал пропорции, соразмерности и сооружения, и эти же соразмерности служили ему для разработки сооружения на площадке. Его строительным вооружением были камень, известь и дерево для кружал, его техническим вооружением были геометрия, веревка с кольшком и угольник. Он владел этим вооружением, не было разрыва между проектом, материалом и воплощением замысла в этом материале. Быть вооруженным—это не значит иметь много оружия, а уметь владеть в совершенстве тем, которым ты располагаешь. Иначе Перли не был бы мировым памятником.

Очень часто мы не только не умеем пользоваться нашим вооружением, но разные виды этого вооружения, взятые из разных эпох, находятся в противоречии друг с другом: архитектурная теория—со строительной практикой, практика—с наукой. Нужно выкинуть отжившее, овладеть современным и уметь им пользоваться. Не нужно упрощать задачу с помощью ордеров или сокращать вооружение, нужно расширять и учиться им владеть и начинать учить этому в школе по-настоящему, а не так, как это делается и в архитектуре, и в науке, и на практике. Архитектура с ее огромными принципиальными и практическими задачами под водительством ренессансной школы начинает захлебываться в воде акварели, ордерах и метафизической «бесконечности» пропорциональных рядов. Пропорционирование Перли и Парфенона было одновременно средством гармонизации и методом установления размеров в проекте и в натуре. Замысел и воплощение его в материале были едины; у ренессанс-

ной школы, они оторваны так же, как оторвана форма от материала, образ от содержания, сооружение от эпохи, и служат некоей трансцендентной связью образа с бесконечностью.

Крестьянин, который строит себе дом, действительно знает и материалы, и возможности, и потребности, поэтому сванская сакля, олонедкая изба и украинская хата стоят ближе к Парфенону и Перли по духу и художественным достоинствам, чем «классические» произведения наших архитекторов.

От абстрактного преподавания инженерных дисциплин, когда курс железобетона превратился в курс прикладной алгебры, когда сопротивление материалов преподается принципиально без материалов,—к действительному конструированию и изучению материалов! От академизма—к живой трепетной архитектуре, от «вневременной» и «безнациональной» архитектуры (архитектура—это не лавка старьевщика-антиквара, где «все красиво», и не международный вагон)—к современной архитектуре нашего народа!

Архитектура должна быть образно насыщенной, пластичной, тектоничной и современной. Новая тектоническая форма должна быть следствием новых современных представлений о физико-механических свойствах новых и старых материалов в условиях их работы в современных конструкциях. Новая пластическая форма, скульптурно-полихромная, должна брать свое начало из окружающей нас жизни и природы, народного искусства.

* * *

У нас, у архитекторов, есть долг—священная обязанность перед страной и народами нашей страны, и пытавшими невиданные в истории муки вражеского нашествия и разрушения и проявившими невиданный героизм: восстановить разрушенное так, чтобы иметь право именоваться врачами человеческих душ. Согреть теплом, исходящим от большой человеческой архитектуры, пострадавших людей освобожденных районов страны. Начать это восстановление на другой день после разгрома врага.

Вести его с огромной скоростью и готовиться к нему сейчас.

Материал, конструкция, планировка,—все это должно быть самым лучшим, наиболее целесообразным, современным и передовым. Это будет современной техникой, но еще не архитектурой. Нужно, чтобы это стало архитектурой. Не той архитектурой, которая противопоставляет себя всей современной индустрии и науке и считает, что на XVI веке человеческое развитие остановилось, и не той деляческой архитектурой, без всякого смысла навешивающей фиговые листки архитектурных деталей разных «стилей» на окаменевшие чертежи бесконечных повторений типовых секций с «индустриализованными» проемами типовых окон.

Эти сооружения породили такие искусственные, «нечеловеческие» слова, как «жилфонд», «жилплощадь», «ячейка». Нужно, чтобы мы, архитекторы, восстановили страну так, чтобы люди, потерявшие все, получили бы не «жилплощадь», а то, что они потеряли,—домашний очаг, и лучший, чем они имели. Для этого нужна индустрия, но не только индустрия.

Архитектура должна стать тем, чем она была в Греции, тем, что унаследовали наши предки—пластическим синтезом, тектоникой, включающей в себя, на основе современных научных представлений, совершенные и современные материалы, совершенные и современные конструкции и оборудование, совершенные и современные методы возведения сооружений. Синтезом со скульптурой, с живописью и природой как отдельного сооружения, так и ансамбля в целом. Это и будет архитектурой.

Строители Перли и Парфенона были людьми высокой архитектурной культуры, и чтобы такие мастера появились теперь, нужно создавать эту культуру. Нужно творить подлинную архитектуру для народа, перенесшего великие страдания, проявившего великий героизм, заслужившего великую радость восстановления, для народа, достойного великой жизнеутверждающей и смелой архитектуры—такой же, как он сам.

ТИПЫ УБЕЖИЩ II КАТЕГОРИИ

А. Чалдымов

Лучшим средством защиты от вражеских налетов на города является активная оборона — авиация и зенитная артиллерия, которые громят вражеские эскадрильи на подступах к городам.

Тем не менее, пассивная оборона занимала и будет занимать важное место в защите населения от вражеских бомб, и ее значение повышается в связи с все возрастающими масштабами воздушной войны и угрозой возможности применения химических средств поражения. Поэтому проблема строительства новых и усовершенствования уже существующих убежищ попрежнему важна и должна быть в центре внимания архитектурно-строительной практики военного времени.

Необходимо тщательно изучать опыт проектирования и эксплуатации убежищ и выработать оптимальные типы убежищ как с точки зрения удобства укрывающихся в них, так и с точки зрения экономичности их строительства.

Типы убежищ в нашей и в зарубежной практике весьма разнообразны. Все убежища могут быть, прежде всего, разделены на две категории: убежища, гарантирующие от прямого попадания фугасных авиационных бомб определенного веса (убежища I категории), и убежища II категории, защищающие от последствий взрыва бомбы, упавшей на определенном расстоянии от него (за пределами радиуса разрушения).

Прямым попаданием в убежища II категории следует считать не только непосредственное попадание в объект поражения, но и

те случаи, когда объект или его часть попадает в сферу действия взрывной и воздушной волны в пределах радиуса разрушения, — величины, которая зависит от веса и характера фугасной бомбы.

Убежища I категории проектируются отдельно стоящими (надземные, подземные и полугазлубленные) и встроенными в здания сплошной и слоистой конструкции, а также деревоземляными полевого типа, получившими широкое распространение за последнее время.

Обеспечить полностью население убежищами I категории, гарантирующими укрывающихся в них людей от прямого попадания, не представляется возможным в силу огромной стоимости их, да это и не рационально. При бомбардировках населенных мест люди погибают не только от прямого воздействия бомб, но часто от взрывной волны, осколков, поражения разбрасываемыми обломками зданий, рухнувших от взрыва бомбы, упавшей поблизости. Прямое попадание бомбы с сильно действующим взрывом (ВВ) в здание разрушает его полностью или частично (иногда вплоть до убежища), но, как показывает опыт, количество разрушений от прямого попадания весьма невелико по сравнению с разрушениями от авиабомб, падающих близ зданий. В общем итоге, количество жертв от завалов зданий и разбрасываемых обломков значительно больше, чем в зданиях, непосредственно пораженных. Главной задачей, сравнительно просто решаемой в настоящее время, является расширение и усовершенствование ветро-

енных, а также отдельно стоящих убежищ II категории. Такие убежища должны обеспечить укрывающихся от действия осколков, обломков разрушенных зданий и завалов верхних этажей. Кроме того, эти убежища могут обеспечить укрывающихся от действия ОВ при возможном применении их врагом.

Убежища II категории строятся в виде отдельно стоящих сооружений, но чаще всего устраиваются в подвалах жилых и общественных зданий. Кроме того, должны найти широкое применение убежища в первых и других этажах (вертикальные убежища).

Конфигурация плана убежища и заглубление его, независимо от типа, имеет большое значение. Вероятность поражения убежищ зависит от величины площади плана, так как площадь поражения будет складываться из площади самого убежища плюс окружающая его площадь, в пределах которой попадание ФАБ вызывает разрушение убежища. Если взять убежище определенной площади и запроектировать его в различных очертаниях, то площадь поражения будет различной, в зависимости от формы его плана.

Совершенно очевидно, что чем компактнее убежище, тем площадь поражения будет относительно меньшей. Как видно из рис. 1, самой удачной формой плана для убежища является круг. Если площадь его принять за 100%, то при R — разрушении равном 10 м площадь поражения квадратного плана убежища увеличивается на 6%, а при прямоугольнике со сторонами 1:3 площадь поражения увеличивается на 15%.

Кроме того, можно сделать второй вывод из приведенных примеров, — о желательности при заданной емкости делать убежища по возможности многоэтажными (при соблюдении надлежащих условий, создающих безопасность укрывающихся), тем самым значительно уменьшая площадь плана, а следовательно и площадь поражения (рис. 2).

1. Площадь возможного поражения убежища в зависимости от конфигурации плана

Вертикальное убежище имеет очень много преимуществ перед убежищами, отдельно стоящими, и совершенно незаслуженно не получило у нас должного распространения. Основными преимуществами этого типа являются:

1) небольшая возможность прямого попадания, учитывая небольшую площадь плана и площадь поражения;

2) удобство быстрого заполнения их укрывающимися;

3) наиболее жесткая система конструкции такого типа убежищ, организованных непосредственно около лестничных клеток;

4) отсутствие сырости, присущей обычно подвальным помещениям;

5) возможность подачи воздуха из верхних слоев и др.

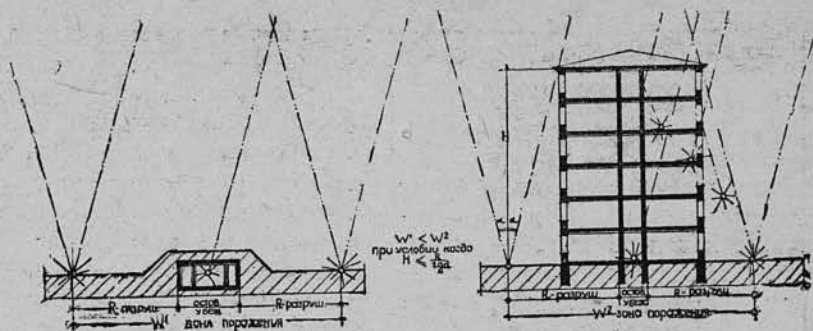
Однако использование для вертикального убежища лестничных клеток страдает существенными недочетами, которые сильно снижают его качества.

Прежде всего, в случае проникновения воздушной волны в лестничную клетку все укрывающиеся подвергаются сильной опасности поражения от легко разрушаемой конструкции лестниц.

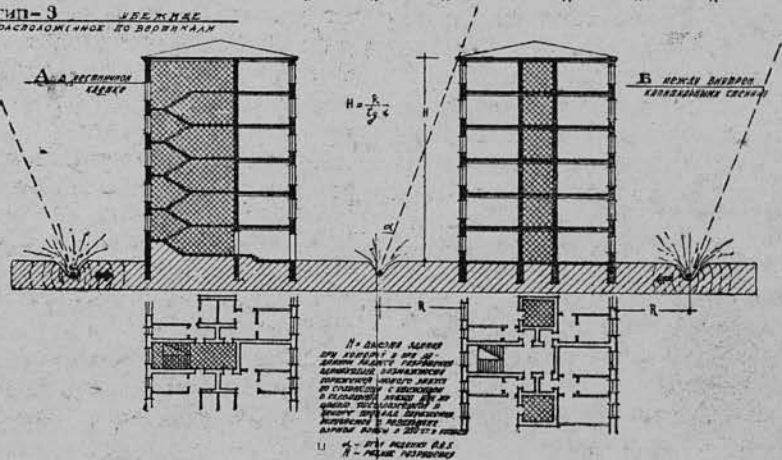
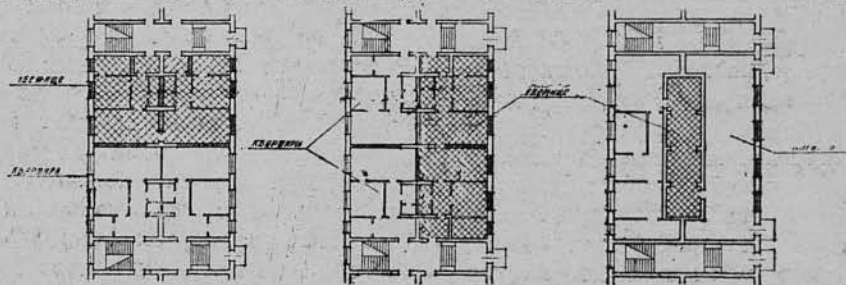
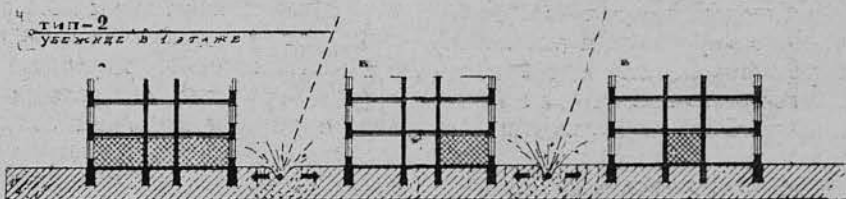
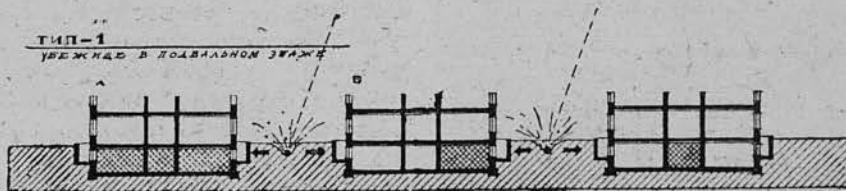
Другим недостатком является необходимость большого количества защитных и герметических дверей, так как на каждую площадку нередко в жилых корпусах выходят по 4—8 дверей, и достаточно не закрыть одну из дверей в одном из этажей, как подвергается опасности все убежище в целом. Далее, большим неудобством является закладка всех окон кирпичом и необходимость герметизации всей лестничной клетки.

Надо учитывать также, что одна стена лестничной клетки является наружной, что увеличивает опасность поражения.

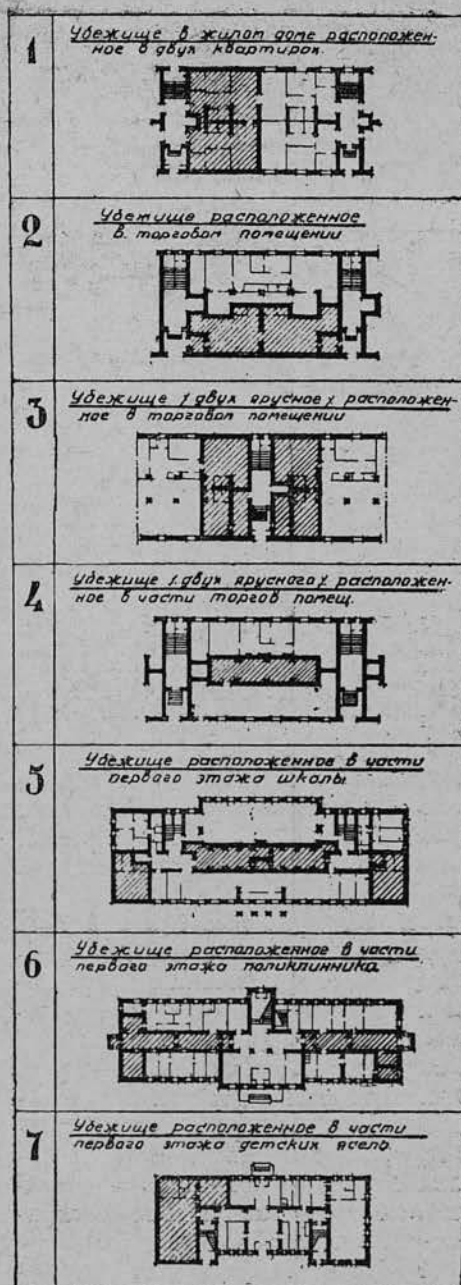
Учитывая все эти недочеты, мы пришли к выводу о наибольшей целесообразности устройства небольших убежищ в каждой квартире, нанизанных по вертикали, причем ставили своей задачей размещение их в середине здания, как показано на рис. 3. Такое убежище имеет все преимущества убежища в лестничной клетке и лишено его недостатков. В мирное время такие убежища в квартирах могут быть

2. Сравнение возможности поражения отдельно стоящего убежища и вертикального убежища

3. Типы убежищ II категории, встроенных в жилые дома
 Тип I — в подвальном этаже
 Тип II — в первом этаже
 Тип III — убежище, расположенное по вертикали

4. Стены убежищ, встроенных в первые этажи

использованы под шкафы американского типа.

При объявлении ВТ жильцы пользуются этим убежищем, не выходя из квартиры.

Совершенно незаслуженно этот тип убежищ не нашел у нас широкого применения, несмотря на его значительные преимущества и относительную дешевизну.

Однако, вертикальные убежища дают относительно меньшее поражение в определенных пределах, учитывая, что бомба падает под

определенным углом к сооружению — от 15—25°.

Все изложенное приводит к выводу о желательности устройства убежищ с наименьшей площадью в плане, за счет увеличения этажности, а также с очертаниями, приближающимися к окружности или же к квадрату.

Наиболее распространенным типом убежища у нас являются убежища в подвальных этажах (рис. 3). Совершенно очевидно, что вариант «В» на том же рисунке имеет все преимущества перед первым и вторым вариантами, так как такой тип убежищ более способен противостоять действию разорвавшейся вблизи от здания ФАБ, особенно сейсмическим последствиям взрыва. Этот тип рекомендуется как более целесообразный для убежищ в подвальных этажах.

Однако не везде есть подвалы, которые могут быть использованы для укрытия. Часто подвалы бывают сырые и плохо отапливаемые, и укрывающиеся в них подвергаются серьезной опасности простуды. В таких случаях желательно строить убежища в первых этажах.

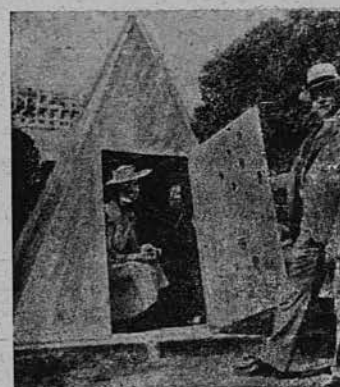
При устройстве встроенного убежища в первом этаже специальных мер по креплению кирпичных капитальных конструкций зданий и увеличению их устойчивости в обычных условиях не требуется. Что же касается перекрытий, то они, подобно перекрытиям подвальных этажей, должны быть проверены и, если необходимо, усилены на нагрузку обрушенных верхних этажей здания. Кроме того, при деревянных и сборных железобетонных перекрытиях, если укрытие является газоубежищем, необходимо проведение соответствующих конструктивных мероприятий по увеличению их газонепроницаемости.

Целесообразно размещение убежища в первых этажах в середине корпуса здания, так как такое расположение убежища больше гарантирует его от действия ФАБ, разрывающейся вблизи здания (вариант В).

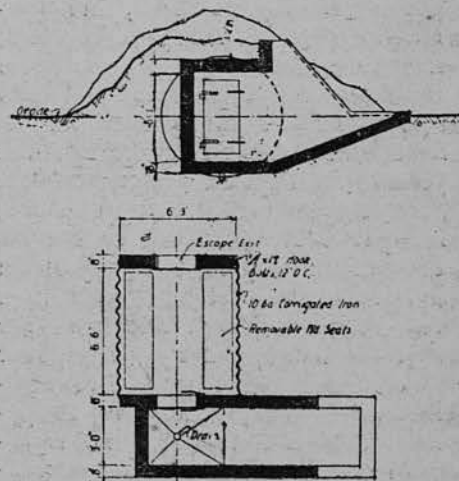
Основным требованием при размещении убежища в первых этажах следует считать ненарушение обычного режима работы

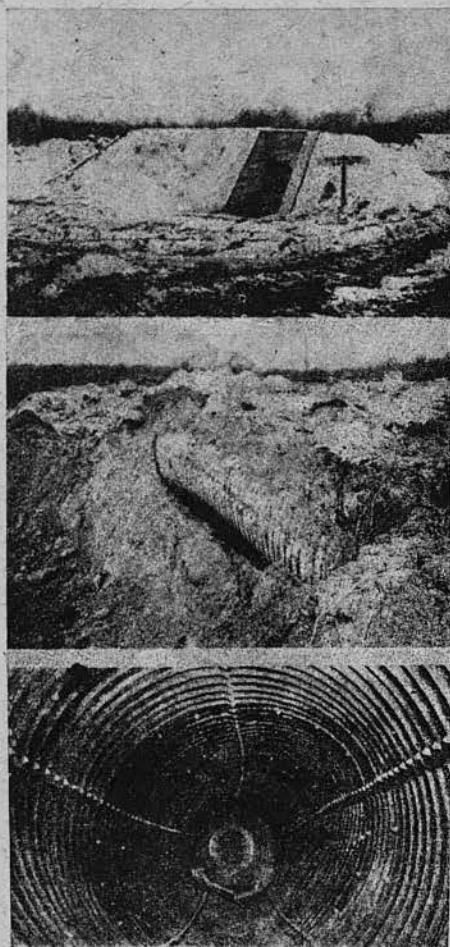
5. Металлическое убежище Андерсона для одной семьи (Англия)

6. Жесткое треугольное по форме семейное убежище (Америка)

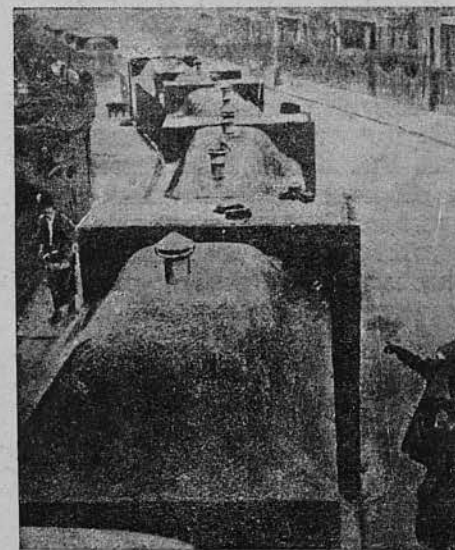
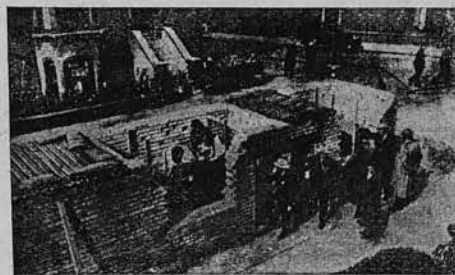
7. Убежище из волнистого железа, имеющее бетонные торцы (Америка)

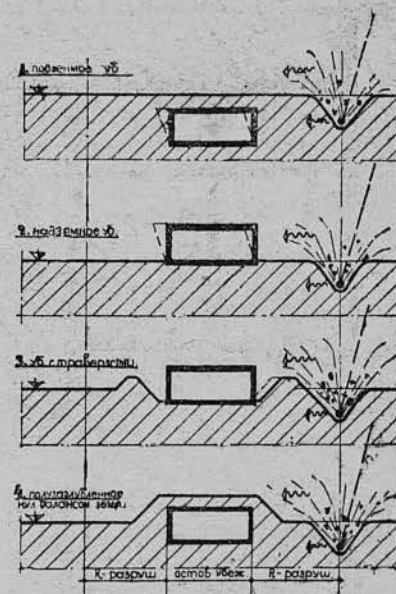
8. Результаты испытания инженерным корпусом США убежища из волнистого железа с бетонными торцами

ной обороны получило строительство отдельно стоящих убежищ различной конструкции. В начале войны у нас в прифронтовых городах получило широкое развитие устройство наиболее простого типа укрытия — щели. Щели безусловно сыграли существенную роль в первое время войны. Однако поздняя осень, зима, ранняя весна 1942 г. показали, что щели мало пригодны, в особенности в местах с высокими грунтовыми водами. Этот тип убежища следует применять в исключительных случаях, — там, где не представляется возможным создание более совершенных убежищ, к которым следует отнести даже такие примитивные, как щели-землянки с печным отоплением.

В Англии широкое развитие получили «семейные убежища», в частности металлические, покрытые землей, — так называемые убежища Андерсона (рис. 5).

9. Типы надземных убежищ, расположенных обычно на улицах или во дворе между застройкой жилых зданий (Англия)

10. Варианты размещения убежищ по отношению к уровню земли

Эти убежища, предназначенные для защиты от осколков, воздушной волны и сотрясения почвы, слабо защищают укрывшихся от плохой погоды, сырости и пр. и обладают всеми отрицательными свойствами щелей.

В американской практике встречаются аналогичные убежища (рис. 6) — жесткие, треугольной формы. При отсутствии земляного покрытия стены таких убежищ должны иметь толщину в полтора дюйма. Обладая всеми недостатками андерсоновского убежища, этот вариант, имея металлическую дверь, которая под действием воздушной волны превращается в опасный снаряд, подвергает большой опасности укрывшихся в нем.

Более капитальным является тип земляного убежища (рис. 7) из волнистого железа, имеющий бетонные концы и пацдус.

Широкое распространение в Англии получили надземные убежища (рис. 9), строящиеся преимущественно из кирпича или же из железобетона. Такие убежища располагаются по отношению близ расположенных зданий на расстоянии d , определяемом по формуле $d = 465(h_1 - h_2)$, где h_1 — высота здания; h_2 — высота убежища, а d — расстояние удаления убежища от здания.

Весьма интересным предложением является надземное деревян-

здания в целом и его первого этажа, не исключая возможности в некоторых случаях занятия площади первого этажа только под убежище. Кроме того, нежелательно размещение убежища над подвалом, так как в этом случае необходимо устройство двойного крепления. Разработанные на основе изложенных выводов проекты убежищ в первых этажах жилого дома, школы, магазина и др. (рис. 4) говорят о возможности строительства таких убежищ без нарушения эксплуатации всего здания или его первого этажа. Все это дает нам основание рекомендовать этот тип убежищ для широкого применения в строительстве сооружений МПВО там, где не представляется возможности устройства их в подвальных этажах.

Не менее широкое развитие в практике местной противоздуш-

прямоугольных очертаний с большими пролетами (порядка 9—10 м) наружных и внутренних стен без поперечных стен. Такая конструктивная схема вызывает относительно толстые стены и все же в целом не является достаточно жесткой конструкцией (рис. 11).

В 1941 г. нами была предложена схема, принципиально отличная от ранее применявшихся в практике конструктивных схем остовов убежищ I категории, и позже этот же принцип был не менее удачно применен в убежищах II категории. Новая конструктивная схема построена на основе квадрата-ячейки со сторонами 1,80×1,80 м. Квадратная форма ячейки дает возможность при различных сочетаниях получить квадратный план сооружения, что создает наиболее экономичную, более жесткую систему и с относительно меньшей площадью возможного поражения убежища. Наружные и внутренние стены, а также и перекрытие такой замкнутой ячейчатой конструкции в силу небольших пролетов основного квадрата получили относительно меньшие размеры.

Квадратные ячейки дают возможность удачно использовать от-

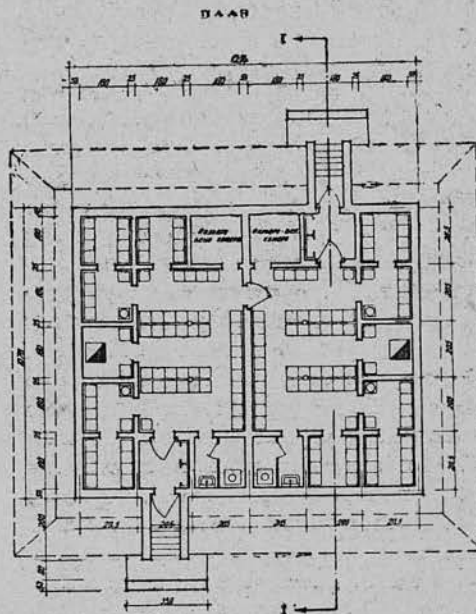
дельные отсеки плана под фильтро-вентиляционные установки, тамбуры, туалетные, calorиферы, комнаты для больных и т. п., не говоря уже об удобствах укрывающихся в своего рода «купиро-

ванных» небольших отсеках. В каждом таком отсеке размещаются 10 укрывающихся.

Применение принципа ячейчатой жесткой конструктивной схемы в убежищах II категории дало весьма положительные результаты в планировочном отношении и, особенно в экономическом отношении. Если в убежище, показанном на рис. 12, наиболее экономичном из всех применяемых до настоящего времени типовых проектов, расход кирпича на одно место равен 1,18 куб. м, то в типе с ячейчатой конструктивной схемой (рис. 15) кирпича требуется 0,725 (меньше на 38,5%), древесины 0,106 куб. м (меньше на 31%).

И еще более разительные экономические показатели получились в убежище с кирпичными сводами. В типовом проекте, применяемом в Москве (рис. 13), кирпича идет больше чем в два раза.

Цифры говорят о значительной экономичности типов убежищ II категории, которые построены на принципе ячейчатой конструктивной схемы, что и позволяет ее рекомендовать для широкого применения в строительстве.

15. Убежище на 150 чел. Вариант в кирпиче с деревянными перекрытиями (АКХ при СНК РСФСР. Авторы: арх. Чалдымов, инж. Кашошников)

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

РУССКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО

Академия архитектуры СССР. Кабинет теории и истории архитектуры. Памятники русской архитектуры под общей редакцией Д. Аржица. Русское деревянное зодчество. С. Забелло, В. Иванов, П. Массилов.

Гос. архитектурное издательство Академии архитектуры СССР. М. 1942. Стр. 212. Ц. 100 р.

Выпущенная Академией архитектуры капитальная монография широко освещает русское деревянное зодчество. В книге собран и систематизирован обширный материал, оставшийся до до сего времени или неопубликованным или разбросанным по разным изданиям, малоизвестным широким слоям читателей. Сокровищница русского народного зодчества получает в рецензируемом издании достаточно всестороннюю научную оценку. Благодаря этой книге советский и зарубежный читатель может судить о богатстве и многообразии произведений русской деревянной архитектуры, о логичности и остроумии их планов и конструкций, об их высокой художественной выразительности.

Книга состоит из большого количества (свыше 450) иллюстраций и сжатого текста.

В первой главе (введение) говорится о том исключительном значении, которое имело деревянное зодчество в развитии русской архитектуры в целом. Древнейшее зодчество Руси, страны богатой лесами, достигло уже в X—XI вв. — времени возникновения русского каменного зодчества — высокой степени совершенства, и, живя и развиваясь рядом с последним, нередко влияло на него, служа для него источником национальных народных черт. Далее излагается история развития русского деревянного зодчества с древнейших времен, отмечается связь между дошедшими до наших дней постройками XVI—

XVII вв. и древнейшими, известными лишь по описаниям, и указывает на то значение, которое имеют сейчас постройки русского Севера, ставшего, в силу своих географического положения и истории, верным хранителем древних плотничьих технических и художественных традиций.

Этим традиционным, выработанным поколениями зодчих-плотников, конструктивным и архитектурным формам и композиционным приемам посвящена II глава. В ней описываются простые логичные и отвечающие свойствам строительных материалов конструкции, среди которых отмечаются сруб из горизонтально положенных бревен, в котором выполнялись и стены, и покрытия зданий, консоли из вышущенных бревен, поддерживающие свесы крыши, площадки крылец и церковные галереи — паперти, столбы хозяйственных дворов и церковных трапезных и колоколен, и кровельный лемех, и тес с вырезными концами, бывшие одновременно и кровельным материалом и украшением верхов зданий.

Столь же неразрывна в русском деревянном зодчестве и связь между конструктивными и архитектурными формами, между свойствами строительного материала и детальной обработкой зданий, между их назначением и композицией их планов и фасадов, всегда искренних, правдивых и чуждых какому бы то ни было шаблону.

Глава III (Жилые и хозяйственные постройки) начинается с характеристики разных типов планировки сел, входящих кое-где на севере к древнейшим планировочным схемам, подобно тому, как и северная изба из двух жилых срубов с сенями между ними, поставленная на подклет и объединенная под одной крышей с хозяйственным двором, наиболее связана с теми древнейшими жилыми зданиями, о которых говорят летописи и былины.

Поэтому, в дальнейшем, избы Севера (Архангельская и Вологодская об-

ласти и Карело-Финская ССР) рассматриваются более подробно, чем избы центральных областей РСФСР (Ивановской и Горьковской). Кроме того, в этой главе описываются и хозяйственные постройки — амбары, риги, мельницы — более простые, чем избы, и своей строгой архитектурой выгодно подчеркивавшие живописность и приветливость последних.

Еще более строга архитектура деревянных крепостей, которые на Руси, не имевшей естественно защищенных границ, строились в большом количестве. Уже в X—XI вв. на Руси были кадры «городничков» — строителей крепостей, выработавших разные типы крепостных стен — от простых типов до наиболее сложных стен «тарасами», — и башен, имевших шатровые покрытия, нередко увенчанные дозорными вышками. Этим сооружениям, успешно выдерживавшим осады даже лучшими европейскими войсками того времени и в то же время сыгравшими значительную роль в облеке русских городов, посвящена IV глава.

В V главе речь идет о древнейших и наиболее совершенных из дошедших до наших дней памятниках русского деревянного зодчества — церквях. В ней описываются разные типы этих зданий: «клетские», т. е. покрытые двускатными крышами, наиболее близкие к жилым зданиям, «шатровые» — церкви-башни, покрытые высокими восьмигранными пирамидальными крышами, «кубоватые» с покрытием сложного криволинейного профиля, ярусные и многоглавые. Планы этих зданий сводятся к трем основным, выработанным в древности, схемам: прямоугольнику, восьмиугольнику и равноконечному кресту. Различие между этими типами, которые русское деревянное зодчество выработало в течение столетий, переходя от простейших к более сложным, заключается в композиции верхов зданий, в их силуэтах, имевших большое значение в придании им того выражения величия и

торжественного покоя, которое так свойственно русским деревянным церквям. Далее говорится о внутренней архитектуре церквей, в отличие от строгой и сдержанной внешней, широко применявшей резьбу и раскраску, и о деревянных часовнях и колокольнях, а также указывается на то, что только деревянные церкви сохранили ряд форм, применявшихся и в недоевших до наших дней богатых городских и усадебных деревянных жилых домах (хоромах) и дворцах, которым посвящена VI глава.

Здесь описываются хоромы и деревянные дворцы, изображения которых дошли до наших дней, устанавливается преемственность между ними и известными по летописям хоромам XI—XII веков, и делается попытка анализа композиции этих зданий, имевших, с одной стороны, такие же шатровые, бочечные и кубоватые кровли, как и церкви, а с другой — напоминавших избы расположением окон и детальной обработкой фасадов.

В заключительной, VII главе отмечаются черты, характерные для русского деревянного зодчества, — сочетание мощности и простоты объемов зданий с нежной трактовкой деталей, различие приемов достижения архитектурной выразительности в церквях и жилых домах и немногочисленность плановых и конструктивных решений, доведенных трудом поколений зодчих до высокого технического и художественного совершенства.

Авторы правильно подчеркивают ту пользу, какую может извлечь из знакомства с русским деревянным зод-

чеством архитектор-практик нашего времени. Правдивость и органичность произведений русского деревянного зодчества, вместе с их исключительными художественными достоинствами, обеспечивают им виднейшее место в истории мирового искусства.

Книга снабжена подробными указателями (географическими и предметными).

Особо следует отметить высокий уровень полиграфического оформления издания, осуществленного под руководством зав. производством Издательства Академии архитектуры Н. А. Стрельцова; многочисленные репродукции фотографий, рисунков и чертежей (в том числе цветные), печать, бумага, наконец переплет — прекрасного качества. Издательству удалось, несмотря на трудные производственные условия, создать книгу, весь облик которой, выдержанный в строгих, хорошего вкуса формах, может служить образцом для изданий подобного рода.

А. М.

Проф. В. Д. Мачинский. ПОСТРОЙКИ ИЗ ГРУНТОВЫХ МАТЕРИАЛОВ (глины и земли). Государственное архитектурное издательство Академии Архитектуры СССР. М. 1942. Стр. 32.

Автор рецензируемой брошюры — один из старейших специалистов в области строительства из грунтовых материалов. Брошюра трактует о домах с мазанковыми, глинохворостяными, соломенно-глинолитными, саманными и землебитными стенами. Даны

конструкции удешевленных фундаментов глиносоломенных крыш и др. элементов. Данные о конструкциях со-провождаются техническими и сметными показателями, описанием процессов мятья глины, укладки материала в дело. В простой, доступной для массового читателя форме автор излагает технические требования и нормы для грунтов, материалов и построек. Здесь даны показатели прочности, водочерпности, водопоглощения, теплопроводности, газопроницаемости и др.

Основные достоинства книжки — простота и доступность изложения, отчетливое выявление положительных качеств и недостатков строительства из грунта, ряд практических советов по профилактике в этом виде строительства, которое больше всего боится воды.

Небольшая по объему книжка может принести большую практическую пользу и в военное время, и в период послевоенного строительства, т. к. она посвящена строительству из подручных материалов, в связи с необходимостью всемерного высвобождения не только железнодорожного, но и местных видов транспорта от излишней перевозки строительных материалов. Надо пожелать, чтобы автор не ограничился изданной книжкой, а используя новые работы, особенно в области придания водостойкости конструкциям из грунтов, дал бы труд, не только подытоживающий старый опыт грунтового строительства, но и отражающий новейшие, более смелые методы, в частности — применения грунтоблоков.

П. Белли-Гейман

№ 1 - 963

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. Аркин Ленинград (к 240-й годовщине основания города) . . .	1
Акад. арх. А. Щусев Проект восстановления гор. Истры	5
Акад. арх. А. Мордвинов Строительство из высокопрочного гипса	11
Г. Захаров, З. Чернышева Опыт проектирования жилищ для Средней Азии . . .	16
П. Максимов Три памятника, разрушенные немцами	25
ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА	
А. Буров На путях к новой русской архитектуре	30
А. Чалдымов Типы убежищ II категории	37
АРХИТЕКТУРА И КНИГА	43

1941 г.
ИТ № 192 /
Вкладн. л. 28

Отв. редактор К. С. АЛАБЯН

Зам. отв. редактора Д. Е. АРКИН

Подписано к печати 14/VIII 1943 г.
Л40294

Формат 62 × 94¹/₈, 6 п. л.

Тираж 3000 экз.

Учетно-издат. л. 9
Зак. 944

6-я типография ОГПЗа. Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

2228

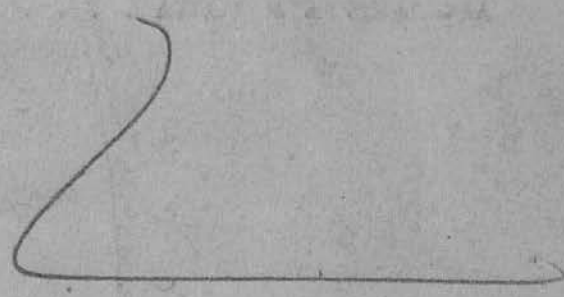
ЦЕНА 10 РУБ.

П 32
5

**АРХИТЕКТУРА
С С С Р**

**СБОРНИКИ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ**

**РЕДАКЦИЯ
МОСКВА, ГРАНАТНЫЙ ПЕР., 7**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР**

1

П32 1943

14

№ 2-4

Рого